

наталья

Александрова

следствие
ведет:
**ВАСИЛИСА
СЕЛЕЗНЕВА**

Мыльная
опера
для души с оркестром

Следствие ведет Василиса Селезнева

Наталья Александрова

**Мыльная опера для
душа с оркестром**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Мыльная опера для душа с оркестром / Н. Н. Александрова —
«АСТ», 2017 — (Следствие ведет Василиса Селезнева)

ISBN 978-5-17-102886-2

В магазине сувениров с весьма затейливым названием «Черный треугольник» завелся вор. Как в знаменитом Бермудском треугольнике исчезают самолеты, яхты и даже океанские лайнеры, так и в магазине начали исчезать статуэтки гаишников, настольные водопады, рамки для фотографий и другие «ценные» товары. Когда расходы на борьбу с воровством уже стали превышать стоимость украденных подарков, директор магазина обратился в детективное агентство, где работала Василиса Селезнева. И ничего, что Василиса числится секретаршей и пока только учится расследовать преступления. Зато она энергична, чрезвычайно любопытна и готова браться за любое дело! Ранее книга выходила под названием «Теща Франкенштейна»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102886-2

© Александрова Н. Н., 2017
© АСТ, 2017

Наталья Александрова

Мыльная опера для душа с оркестром

© Н. Александрова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Василий Макарович закрыл дверь директорского кабинета и остался один на один со своими проблемами.

Собственно говоря, проблемы были не его, проблемы были как раз владельца и директора этого магазина: у него последнее время пропадали ценные товары, но Василий Макарович Куликов время от времени давал в рекламной газете многообещающее объявление: «Ваши проблемы – наша работа». Так что его никто не заставлял, он сам когда-то решил взяться за устранение чужих проблем, и теперь ему приходилось отдуваться за это решение.

Василий Макарович много лет проработал в милиции, и когда коллеги проводили его на пенсию, он почувствовал, что его жизнь стала пустой и бессмысленной. Конечно, у него было хобби – в свободное время он собирал модели танков, самоходных установок и прочей военной техники. Но раньше он это делал именно в свободное время, причем, пока его руки созидали очередную модель, в голове прокручивались детали какого-нибудь расследования. Теперь же голову было занять нечем, и в ней от безделья завелись грустные и вредные мысли.

Провожая Куликова на пенсию, родное отделение милиции раскошело и подарило ветерану дорогой плазменный телевизор, но Василий Макарович никогда не любил проводить время перед голубым экраном. Он считал такое занятие глупым и бессмысленным.

В общем, ему не хватало в жизни событий, приключений, расследований, к которым он привык за долгие годы работы в милиции.

Василий Макарович помучился несколько месяцев и наконец решил открыть частное детективное агентство.

Агентство это было совсем маленькое, сотрудников в нем насчитывалось всего двое или трое (смотря как считать): сам Василий Макарович – глава агентства, его мозговой центр, и оперативный сотрудник, славная девушка Василиса, с которой Куликова свела судьба и которой надлежало выполнять несложные обязанности бухгалтера, секретаря и офис-менеджера, и еще Бонни. Правда, как раз Бонни Василий Макарович обычно не считал сотрудником агентства. Но об этом – потом.

На деле все получилось не совсем так, как предполагалось: Василиса, помимо своих основных обязанностей, часто работала оперативным сотрудником, а иногда – и мозговым центром. Так же и Бонни: ему тоже частенько приходилось участвовать в разных операциях... но, как уже говорилось, об этом – потом.

Василий Макарович давал объявления в рекламных газетах, но клиентов у него было маловато, и поэтому он брался практически за любую работу. Вот и теперь он взялся за поручение директора магазина – найти и поймать вора. Для того чтобы выполнить это поручение, он устроился в магазин на работу уборщиком. То есть, как герой какого-нибудь американского боевика, работал под прикрытием. Разумеется, кроме самого заказчика, никто в магазине не должен был знать о его настоящей профессии.

Получив очередные инструкции от своего заказчика, Василий Макарович вооружился шваброй и ведром и принялся за уборку, начиная с коридора, примыкающего к кабинету директора.

Однако едва он успел приступить к работе, как на него наткнулась полная дама средних лет в вязаной кофте сиреневого цвета. Удивленно оглядев Куликова, она громогласно заявила:

– Ты кто такой? Ты что здесь вертишься?

– Уборщик я! – сообщил Василий Макарович, с трудом разгибая спину.

– Ах, уборщик?! Надо же, Афанасий уже инвалидов на работу принимает! Ну, раз уж ты уборщик, зайди в мой кабинет, у меня мусорная корзина два дня не опорожнялась!

– А вы, извиняюсь, кто? – осведомился Куликов.

– Начальство надо знать в лицо! – отрезала дама, но тут же несколько смягчилась: – Бухгалтер я. Главный. Анфиса Николаевна. Имей в виду, каждое утро ты должен приносить мне кофе. Три ложки сахара, сливки, и чтобы горячий!

– Кофе?! Извините, но Афанасий Степанович не ставил передо мной такой задачи!

– Ты, инвалид умственного труда, слишком много рассуждаешь для уборщика! – рявкнула Анфиса. – Мало ли что тебе Афанасий забыл сказать! Я для тебя – такой же начальник, мое слово – закон! Если ты сам не сумел дослужиться до приличного места, выполняй что тебе сказали! На месте кругом! Выполнять!

Бухгалтерша скрылась за ближайшей дверью, а Василий Макарович, тут же выбросив ее из головы, задумался о своем расследовании, которое оказалось далеко не таким простым, как он думал сначала.

Магазин, в который он устроился, носил странное и несколько загадочное название – «Черный треугольник».

Почему он так назывался, являлось тайной для всех его сотрудников и даже, кажется, для хозяина. Во всяком случае, это название никак не было связано с известной картиной Казимира Малевича «Черный квадрат». Потому что торговал магазин не картинами и вообще не произведениями искусства.

Магазин торговал подарками.

Как известно, подарки бывают двух типов: полезные и бесполезные. Полезные подарки продаются в магазинах бытовой техники и садового инвентаря, в отделах постельного белья, текстиля, посуды и электроинструментов.

Для бесполезных подарков существуют специальные магазины, и «Черный треугольник» был одним из них.

Здесь можно было купить действующий макет деревенского туалета в одну сороковую величины, настольный водопад (к примеру, уменьшенную копию Ниагары), комплект для выдувания мыльных пузырей из натурального оникса, серебряную статуэтку сотрудника ГИБДД, инкрустированную кристаллами «Сваровски», набор для игры в бирюльки из кости мамонта и множество столь же бесполезных и очень дорогих предметов.

Как ни странно, все эти бесполезные предметы рано или поздно находили покупателей.

Чаще всего подарки из «Черного треугольника» покупали сотрудники всевозможных коммерческих фирм и компаний – для начальников и сослуживцев перед корпоративными праздниками и личными юбилеями. Конечно, особенный ажиотаж наступал ранней весной, когда один за другим на беззащитное население обрушивались День всех влюбленных, Двадцать третье февраля и Восьмое марта. Эти праздники накатывали на «Черный треугольник», как цунами, и озабоченные покупатели сметали с полок все подчистую.

Теперь же, в пору относительного затишья, оставалась надежда только на юбилеи и корпоративы. Кроме того, продажи снизились из-за пресловутого кризиса – большинство фирм по возможности сокращало расходы, и в первую очередь под сокращение попала статья «подарки».

И вот, когда дела магазина и без того обстояли неблестяще, в нем завелся еще и вор. Причем вор удивительно хитрый и ловкий. Он крал вещи дорогие и ходовые, не зарился на макеты туалетов и статуэтки гаишников. Сначала пропал дорогой комплект для вина – штопор, открывалка для бутылок и нож для срезания фольги с горлышка, все это из хромированного титана, с серебряными рукоятками, упакованное в красивый ящик из черного дерева. Затем

исчез такой же ценный набор для любителей сигар – позолоченная гильотинка, зажигалка и специальный ящик для хранения сигар с замысловатым названием «Хьюмидор». Затем исчез очень дорогой письменный прибор... Кражи последовали одна за другой с удручающей стабильностью.

Афанасий Бадейкин, владелец «Черного треугольника», пытался бороться с кражами обычными способами. На входе в магазин, разумеется, стояла специальная электронная рамка для обнаружения товаров с магазинным кодом. В дополнение к этому устройству Афанасий Степанович нанял отдельного охранника, который сидел перед дверью и внимательно следил за входящими и выходящими из магазина людьми. Кроме того, хозяин стал время от времени осматривать личные вещи работников магазина.

Это привело только к нервной обстановке в «Черном треугольнике» и к увеличению текучести кадров, подарки же пропадали с прежним постоянством.

Получалось, что название «Черный треугольник» оказалось несчастливим: как в знаменитом Бермудском треугольнике, в котором исчезают самолеты, яхты и даже океанские лайнеры, в нем бесследно исчезали вещи.

Постепенно расходы на борьбу с воровством стали заметной статьей в бюджете магазина. Наверное, они уже превышали стоимость украденных подарков, и на месте Бадейкина другой хозяин махнул бы на кражи рукой, но Афанасий никак не мог смириться с тем, что кто-то нагло ворует в его магазине.

Испробовав все остальные способы, он наконец нанял Василия Макаровича. Разумеется, никто, кроме хозяина, не знал о настоящей работе пожилого уборщика, что и создавало для Куликова несколько психологически сложную обстановку.

Однако за время работы в милиции дядя Вася привык ко всякому, и теперь он старательно возил шваброй по полу, одновременно приглядываясь к окружающей обстановке.

В магазин можно было попасть через два входа: один – основной, с улицы, через который входили и выходили покупатели, и второй – служебный, выходящий во двор. Через этот вход заносили в подсобные помещения магазина коробки с товарами, иногда этим же входом пользовались сотрудники магазина.

Как уже говорилось, за главным входом присматривал специальный охранник, в дополнение к электронной рамке. Так что вынести через него украденное было практически невозможно. Задний же выход запирался на замок, и с тех пор, как начались кражи, хозяин держал ключ от этого замка у себя. При необходимости он лично открывал служебный выход и присматривал за погрузкой товаров.

Василий Макарович внимательно обследовал служебные помещения и убедился, что никакого другого выхода отсюда не имеется. Кроме подсобного помещения, где хранились небольшие запасы товаров, здесь находились бухгалтерия, кабинет директора, маленькая комната, где продавцы могли по очереди выпить чаю и отдохнуть, а также чулан, в котором уборщица (а в настоящее время эту ответственную роль исполнял сам Василий Макарович) держала швабры, щетки, тряпки и всевозможные моющие средства.

Еще раз осмотрев эти помещения, Василий Макарович перешел в торговый зал.

Покупателей там было совсем немного: солидный, представительный мужчина в дорогом пиджаке и шелковом галстуке ручной работы выбирал подарок для начальника, озабоченная женщина средних лет перебирала рамки для фотографий, две молоденькие девушки искали что-нибудь прикольное для подружки, и еще двое парней разглядывали кальян из разноцветного хрусталя.

Продавец Виталик, разумеется, крутился возле солидного господина, как наиболее перспективного покупателя, пытаясь втюхать ему дорогущую зажигалку в отделанном стразами футляре. Покупатель держался индифферентно. То есть, выражаясь нормальным человеческим языком, не поддавался усилиям Виталика.

Еще, конечно, на высоком табурете возле двери сидел охранник Павлик, долговязый парень с огромными розовыми ушами, и всячески изображал неусыпную бдительность.

Василий Макарович демонстративно прошелся шваброй по полу, поглядывая по сторонам. При этом он старался казаться по возможности незаметным.

Он осторожно обошел зал по периметру, не заметил ничего подозрительного и уже хотел вернуться в подсобные помещения, как вдруг в зале произошли некоторые перемены.

Один из двух парней, которые разглядывали кальян, подозревал Виталика и выпрашивал у него какие-то тонкости. Второй же парень, воровато оглядываясь по сторонам, переместился к стойке с письменными принадлежностями.

Дядя Вася насторожился и передвинулся поближе к подозрительному покупателю.

И тут, в самый неподходящий момент, на него наскочила та женщина, которая разглядывала рамки для фотографий. Она отошла от стенда с рамками и споткнулась о дяди-Васину швабру.

– Ты что тут вертишься под ногами?! – заверещала покупательница. – Ты что посетителям мешаешь?! Ты должен убирать, когда в зале никого нету! Безобразие! Принимают на работу кого ни попадя!

В довершение своей тирады она выдала неизбежное:

– Понаехали тут!

Василий Макарович прожил в нашем городе всю свою жизнь, и такое обвинение его никак не касалось, тем не менее он почувствовал себя глубоко уязвленным.

Скандалная особа оглядывалась по сторонам, надеясь, что остальные покупатели ее поддержат, но никто из них не поспешил ей на помощь: солидный мужчина, раздраженно фыркнув, покинул магазин, девчонки переглянулись и рассмеялись, а молодой парень продолжал допрашивать Виталия о характеристиках кальяна.

И тут дядя Вася заметил... точнее, как раз не заметил второго парня, того, который только что с подозрительным видом крутился возле письменных приборов.

Теперь его не было.

Причем из магазина он точно не выходил, Василий Макарович как раз за выходом следил неусыпно, да и Павлик, несмотря на свой нелепый внешний вид, присматривал за дверью внимательно.

– Ты что головой вертишь?! – продолжала разоряться скандалная покупательница. – Ты должен молчать и слушать, что тебе люди говорят! Должен критику принимать!

Тем не менее дядя Вася еще раз огляделся и успел заметить какое-то подозрительное движение за дверью, ведущей в служебные помещения. Отодвинув скандалистку, он бросился к этой двери, пролетел по коридору и огляделся.

Подозрительного парня нигде не было видно.

Из коридора вели только четыре двери: в бухгалтерию, в кабинет директора, в подсобку и в комнату отдыха. Еще имелась дверь служебного выхода, но она, как и прежде, оказалась заперта на замок, ключ от которого хранился у хозяина.

Василий Макарович решил начать с комнаты отдыха.

Он открыл ее и оглядел.

В комнате не было ни души, и там не имелось никаких укромных уголков, где мог бы спрятаться человек. Стоял, конечно, столик с чайником, сахарницей и коробкой сухарей, но ни один из этих предметов не мог бы послужить убежищем даже для лилипута.

Закрыв эту комнату, дядя Вася переместился к бухгалтерии.

Когда он заглянул туда, его встретил мрачный взгляд Анфисы Николаевны.

– Ты что без дела шляешься? – спросила она раздраженно. – Делать нечего? А корзина с мусором до сих пор не опорожнена! Я поставлю перед Афанасием вопрос...

– К вам никто не заходил? – спросил ее дядя Вася, никак не реагируя на эти выпады.

– Кто ко мне должен был заходить? – бухгалтерша удивленно заморгала. – Афанасий Степанович...

– Ясно! – Дядя Вася захлопнул дверь бухгалтерии и снова огляделся.

Оставались еще кабинет директора и подсобка.

Директорский кабинет точно отпадал – не прячет же сам Афанасий вора!

Василий Макарович подергал дверь подсобки, но она была заперта: с тех пор как начались кражи, Афанасий велел продавцам запирать подсобку на ключ и носить этот ключ с собой.

И тут дядя Вася сообразил, что упустил еще одну дверь – дверь чулана, где хранились швабры и ведра.

Вот где вполне мог спрятаться вор! Даже не только мог, наверняка он именно здесь и затаился, поджидая удобного момента, чтобы выбраться на свободу! Во всяком случае, больше ему некуда было деваться, а Василий Макарович помнил первую заповедь знаменитого сыщика Эркюля Пуаро: если отбросить все невозможные варианты, останется единственный, который и есть верный!

Дядя Вася рванул дверь чулана и машинально потянулся к правому боку, к тому месту, где на протяжении долгих лет службы он носил кобуру с табельным оружием...

Не найдя кобуры на обычном месте, он вспомнил, что уже третий год находится на пенсии, что сейчас он – не сотрудник милиции, а частный детектив, и значит, ему придется обойтись без оружия.

Тем не менее он ворвался в чулан... и разочарованно замер на пороге: вора не было и здесь.

Злополучный парень как сквозь землю провалился! Короче, он опять умудрился сбежать, наверняка прихватив что-нибудь ценное, и дяде Васе придется оправдываться перед Афанасием...

«Ох, и нелегкий, оказывается, труд у частного детектива! – подумал Василий Макарович с тоской. – Явно не под силу старому менту! Придется и вправду переквалифицироваться в уборщики!»

Он с тоской взглянул на выстроившиеся в ряд швабры, на яркие пластмассовые ведра, открыл дверцу шкафа, в котором держал коробки с моющими средствами, – вот теперь его орудия труда! Вместо табельного оружия ему придется махать табельной шваброй!..

Он машинально оглядел полку с моющими средствами...

И удивленно заморгал глазами.

Коробки с порошками кто-то явно переставил на другое место.

Всего час назад он брал отсюда порошок для мытья пола и прекрасно помнил, что эта коробка стояла на полке слева, а теперь она оказалась посередине.

Кто-нибудь из сотрудников магазина ее переставил? Но кому есть дело до чулана уборщика?

Дядя Вася насупился. Конечно, коробка с порошком – это мелочь, но именно мелочи иногда решают судьбу расследования!

Он достал карманный фонарик и посветил на полку с порошками.

И при ярком свете фонаря увидел на задней стенке шкафа, в том месте, где утром стояла коробка, крошечную металлическую задвижку. Задвижка была выкрашена в один цвет со стенкой, поэтому разглядеть ее получилось только при ярком освещении.

Протянув руку к задвижке, дядя Вася отодвинул ее в сторону...

И едва удержался на ногах: шкаф с моющими средствами и прочими хозяйственными мелочами поехал вперед, словно дверь, поворачиваясь на оси.

И за ним, как за дверью, обнаружился темный проход.

Так вот куда скрылся воришка! Теперь ясно, почему все меры, которые принимал владелец магазина, не давали результатов: вор со своим напарником открыто входил в магазин,

напарник отвлекал внимание продавцов, а вор, прихватив какую-нибудь вещь подороже, скрывался через потайной проход.

Оставался, конечно, вопрос, как вор разузнал про тайный выход из магазина, но этот вопрос сейчас не слишком волновал Василия Макаровича, сейчас он думал о том, как поймать злоумышленника...

Он направил луч фонаря в темноту за шкафом и увидел уходящие вниз крутые ступени.

Еще раз пожалев, что не имеет теперь табельного оружия, он шагнул вперед и начал спуск в неизвестность.

– Бонни, стой! – закричала я во всю силу своих голосовых связок, но этот негодяй не обратил на мой крик ни малейшего внимания. Он изо всех сил дернул поводок и понесся в подворотню. Удержать его в этой ситуации мне было явно не под силу: Бонни – огромный бордоский дог, он даже для своей крупной породы великоват, и пытаться удержать его – это примерно то же самое, что остановить на скаку коня... правда, поэт Некрасов утверждал, что есть такие женщины в русских селеньях, но это не про меня.

Мне оставалось только выпустить поводок (иначе я просто свалилась бы с ног и разбила себе физиономию) и устремиться следом за ним в ту же подворотню, чтобы выяснить, куда же его черт понес.

Для такого безобразного поведения могли быть две наиболее вероятные причины. Либо он учуял кошку (несмотря на свой солидный вид и отличную родословную, Бонни малость глуповат и бросается вдогонку за каждой кошкой, хотя ему от них уже не раз доставалось). Либо на нашем пути оказалась привлекательная собака женского пола. Ну, тут уж он, как всякий настоящий мужчина, теряет последние признаки разума. Хотя и терять-то им особенно нечего (я вообще-то не о Бонни, я о настоящих мужчинах).

Короче, я бросилась вслед за Бонни, миновала арку, в которую он сбежал, и оказалась в большом зеленом дворе.

Мы с Бонни переехали в этот район совсем недавно и еще не успели его как следует изучить. Раньше мы с ним жили тоже на Васильевском острове, в чужой квартире, в которую я попала совершенно случайно, взявшись поухаживать за Бонни. Я тогда находилась в процессе развода с мужем, и своего жилья у меня не было. Теперь, к счастью, все это осталось позади, и в итоге всех этих неприятностей (я имею в виду мужа и развод) мне досталась отличная двухкомнатная квартирка. Ну, то есть, разумеется, нам с Бонни, потому что его я оставила себе и ни за что никому не отдам. Потому что, хоть он и непослушный, огромный, прожорливый, невоспитанный, легкомысленный, приставучий, шумный, безалаберный, неаккуратный (при желании могу подобрать еще с десятков подобных эпитетов), я его все равно очень люблю.

Чуть не забыла сказать, что Бонни – пес дивного золотисто-песочного цвета и весит больше шестидесяти килограммов. И при таких габаритах очень любит проситься на ручки (на моих коленях помещается только его огромная лобастая голова, но выдержать могу недолго, от силы минут восемь...).

Двухкомнатная квартира привлекла меня своим расположением. Сами посудите, для Бонни с его размерами поместиться в обычной двушке очень проблематично. Эта же квартира находилась в небольшом, заново отремонтированном двухэтажном домике, на Васильевском острове таких много.

В особнячке было два входа, один сделал себе сосед, он купил две квартиры, находившиеся одна под другой, у него получилось два уровня. Он обнес территорию вокруг дома каменным забором и устроил внутри место для машины и цветники. К нашей стороне дома тоже примыкал крошечный садик, огороженный простой сеткой-рабицей. Летом там росли лопухи, лебеда и крапива, сейчас, весной, все это только набирало силу. Но я поклялась себе, что

устрою из этакого безобразия вполне приличный садик, главное, чтобы Бонни не топтал цветы, а на травке пускай валяется сколько хочет.

Мы с Бонни поселились на первом этаже, квартира наверху пока пустовала после ремонта.

Благодаря такому удачному расположению Бонни много времени проводил на свежем воздухе, разглядывая через сетку окружающий мир. Кажется, ему понравилось новое жилье.

«С тобой хоть на край света!» – заявил он мне при помощи красноречивых глаз и мотающегося хвоста, когда мы с ним осматривали владения перед тем, как подписать договор.

Все прекрасно, только вот место для прогулок, набережная реки Смоленки, было от нас теперь далековато. А жаль, потому что там собиралось изысканное собачье общество, у Бонни нашлось много приятелей и особенно приятельниц. Бонни обожает общаться с особами противоположного пола, и там, возле Смоленки, я имела возможность наблюдать и изучать его круг общения. Сами посудите, не могу же я пустить все на самотек и разрешить моему дорогому Бонни общаться с разными беспородными шавками. А ему только дай волю, за такой «шваброй» побежит – у меня волосы дыбом встанут! Все-таки кобели бывают ужасно неразборчивы.

Как, впрочем, и некоторые мужчины...

Боюсь, что в данном случае так и вышло. Этот своенравный и непослушный тип наверняка учуял в незнакомом дворе какую-нибудь лохматую и хвостатую четвероногую леди не первой свежести и разлетелся к ней с ухаживаниями, как влюбленный телеграфист к сдобной жене городского головы. Как все-таки сложно в наше время воспитывать взрослого ребенка!

Трудно не заметить в большом открытом дворе Бонни с его габаритами, так что я сразу увидела его в углу. И не одного. Со случайной подружкой на этот раз все обстояло не так ужасно – Бонни расточал мужское обаяние вполне симпатичной ротвейлерше. Она принимала его ухаживания благосклонно: неуклюже, но трогательно переступала кривоватыми лапами, помахивала обрубком хвоста и улыбалась во всю пасть.

Рядом с ними стояла довольно приятная молодая женщина, которая выглядела несколько растерянной. Это как раз совершенно неудивительно – при виде моего золотистого сокровища многие люди теряются и не знают, как себя вести. Бонни вообще внушает людям сильные чувства, причем весьма сходные: в основном всем хочется оказаться от него как можно дальше.

– Энджи, пойдем домой, – повторяла женщина. – Энджи, нам пора. Энджи, ну будь умницей!

Собака не обращала на слова хозяйки ни малейшего внимания. Ах, как это мне знакомо!

– Здравствуйтесь! – сказала я, приблизившись, и ловко подхватила Бонни на поводок. – Какая у вас симпатичная собачка!

– Да, ваш тоже ничего... – вежливо ответила женщина, при встрече двух собаководов полагается хвалить чужих собак, если они, конечно, не дерутся.

– Мы сюда недавно переехали, – продолжала я светскую беседу, – не знаете, где тут место для собачьих прогулок?

– Там есть пустырь, – женщина неопределенно махнула рукой куда-то вдаль, – а в этом дворе гулять можно, пока газоны не разбили и детскую площадку не оборудовали. Дом новый, жильцы потом будут, конечно, недовольны.

Я оглядела новый дом. Высокий, и оконные проемы большие. Кое-где уже висели на окнах нарядные занавесочки, на балконах были сложены строительные материалы, оставшиеся от ремонта. Где-то наверху висел на тросах человек и мыл окна снаружи.

– Энджи, нам пора, – строго сказала женщина и потянула свою ротвейлершу.

– Какое красивое имя – Энджи, значит Ангел, – сказала я и добавила: – Ей очень подходит...

Хозяйка невольно улыбнулась – кто же останется равнодушным, когда хвалят его собаку? – А полное имя как? – не унималась я.

– Анджелина Джоли, – усмехнулась хозяйка, а ротвейлерша заулыбалась еще шире.

– А это Бонни, – сказала я, потрепав дога по загривку, – теперь будем часто встречаться.

Они торопились уйти, я тоже подхватила Бонни за ошейник, вдруг он вырвался и со всей силы боднул хозяйку ротвейлерши головой в бок. Та повалилась на землю, выпустив из рук поводок.

– Бонни... – возмущенно начала я, но в это самое время мимо пролетело что-то небольшое, но тяжелое. Это было пластмассовое ведро, наполненное грязной водой. Его уронил тот тип, что мыл окна.

Ведро шмякнулось на асфальт и раскололось от удара. К ногам подступила лужа.

– Ты, урод! – Я задрала голову вверх. – Ты соображаешь, что внизу люди ходят? Ведь убить мог бы...

Тут я отметила, что говорю с пустотой. Никого там, наверху, не было. Тросы, крепления были, но человек на них не висел. Никто не висел. Никого не было. Угу, а ведро само свалилось.

– Скотина! – с чувством сказала я, оглядев залитые грязной водой джинсы. Бонни согласно гавкнул.

Ротвейлерша отбежала в сторону и испуганно смотрела на нас. Улыбаться она перестала.

– Похоже, Бонни спас нас всех от большой неприятности... – Я повернулась к хозяйке собаки, и слова от удивления застыли у меня на губах.

Эта женщина сидела на грязном асфальте и не думала подниматься, у нее просто не было на это сил. Губы ее дергались, зубы стучали, как испанские кастаньеты, глаза едва не вылезали из орбит. Лицо казалось блее листа бумаги.

– Что с вами? – Я сделала шаг и протянула руку, чтобы помочь ей подняться, но она вдруг издала не то вздох, не то всхлип и попыталась отползти от меня в сторону, прикрывая голову руками.

– Спокойно! – сказала я. – Ничего не случилось, все живы и здоровы, Бог миловал... Вставайте же!

Она доползла уже до стены дома, но не сделала попытки встать.

– Что, так и будете валяться в грязи? – Я повысила голос, потому что не понимала причины такого поведения.

Ну, допустим, были на волосок от смерти, так ничего же не случилось. Нужно скорее вставать и уходить отсюда. Помыться, почиститься, ванну горячую принять, если уж совсем плохо. В крайнем случае можно выпить рюмочку чего-нибудь покрепче (хотя Бонни, как все собаки, такого очень не одобряет).

– Хотя бы собаки своей постеснялись, – продолжала я, действуя жесткими методами. Если человека в несчастье жалеть, то он совсем расклеится, а если держаться строго, то человек соберется и преодолеет слабость. С некоторых пор я вообще сторонница жестких и строгих мер. Жизнь, знаете ли, научила. Одна я на свете, заботиться и трястись надо мной некому.

– Эй ты, кинозвезда, иди сюда! – позвала я. – Приводи в порядок свою хозяйку!

Ротвейлерша подошла несмело, тронула хозяйку лапой и лизнула в щеку. Затем плюхнулась рядом с ней на асфальт и затихла.

– Ну, девочки, так не пойдет! – сказала я и в сердцах пнула ротвейлершу ногой.

Она вскочила с грозным рыком и собралась было меня качественно покусать, однако тут на ее пути появилось неожиданное препятствие в лице, точнее, в морде Бонни. И это был вовсе не тот приветливый и шаловливый дамский угодник, с которым она заигрывала несколько минут назад. Теперь перед ротвейлершей и ее хозяйкой стояла грозная машина для защиты и нападения.

Бонни не рычал, он пока еще глухо вибрировал, чуть подрагивая мышцами. Этого хватило и собаке, и хозяйке. Собака скромно потупилась и отошла в сторону, а хозяйка протянула мне дрожащую руку, прося помочь подняться на ноги.

Она и правда была не в себе, я поняла это, подняв ее и прислонив к стеночке. Иначе бы она снова села на асфальт, эта женщина не притворялась, ее точно ноги не держали.

– Проводи... – пробормотала она, – сил нету...

Оказалось, они живут в этом новом доме. Лифт не работал, и до седьмого этажа я тащила ее буквально на себе.

Квартирка оказалась маленькая и какая-то неустроенная. В прихожей не было даже вешалки, так что пришлось положить куртку на картонную коробку. Коробок вообще было в этой квартире множество, они использовались как мебель и как напольные покрытия, даже подстилка для Энджи была сделана из картонной коробки, а поверх брошено старое детское одеяльце.

– Что так смотришь? – пробормотала моя спутница. – Я тут квартиру снимаю. Дом новый, тут раньше никто не жил, мебели нету...

– Да мне-то что... – Я пожала плечами.

Хозяйка с трудом расшнуровала ботинки и прошла в комнату, я – за ней, потому что в небольшой прихожей вместе с двумя крупными собаками не то что стоять, а даже дышать было невозможно.

Я ожидала, что в комнате меня встретит старая раскладушка, прикрытая газетами. Но там стоял диван – новый, приличный, с кроваво-красной обивкой. И еще кресло-качалка – вот то действительно было преклонного возраста, все поеденное жучком. Подозреваю, что хозяйка нашла его на помойке. Больше в комнате ничего не имелось, кроме большой картонной коробки от телевизора, скорей всего, хозяйка использовала ее вместо платяного шкафа. И еще на стене прямо к обоям была прикреплена репродукция – Серов, «Девочка с персиками». С детства ненавижу эту картину!

Она висела в нашей школе в кабинете завуча. Жуткая была тетка, просто садистка. Ей бы на пятьдесят лет раньше родиться, успела бы в концлагере поработать, по велению сердца. Ученики ее боялись до икоты, что младшие, что старшие. Вызовет к себе в кабинет, уставится прямо в душу бледными рыбьими глазами и молчит. Чтобы не сойти с ума, приходилось смотреть поверх ее головы, а там – «Девочка с персиками». На всю жизнь нагладелась!

– Ты как? – спросила я хозяйку квартиры. – Оклемалась? Мы тогда пойдем?

– Думаешь, я ненормальная? – спросила она.

– Ну-у... – протянула я, – нет, конечно. Просто нервная ты очень, от любого пустяка...

– Ведро, которое могло зашибить насмерть, ты называешь пустяком? – закричала она, и тотчас в дверь из прихожей просунулись две морды, чтобы узнать, все ли у нас в порядке.

– Но ведь не зашибло же! – Я махнула рукой Бонни, чтобы скрылся с глаз, не до него сейчас. Он убрался, весьма довольный. Кажется, у них там налаживались отношения.

– Я потому так распахивалась, – сказала она слабым голосом, – что это не первый случай. Меня хотят убить, это точно...

Та-ак. Что называется, приплыли. И почему, скажите на милость, я вечно вляпываюсь во всякие истории? Отчего мне всегда больше всех надо? Ну, в этот раз, конечно, Бонечка подсиропил мне такую встречу. Если бы он не погнался за ротвейлершей Анджелиной Джоли, мы бы сейчас спокойно сидели дома и пили чай с бубликами.

Но дело не только в Бонни. Я ведь могла не заводить никаких бесед с хозяйкой собаки. Взяла бы Бонни на поводок и пошла себе, сделав ротвейлерше ручкой.

Конечно, вряд ли у кого получится оттащить Бонни от интересующего его объекта, если он этого не хочет. Но я ведь даже поползновения не сделала!

С другой стороны, если бы не Бонни, ведро вполне могло свалиться этой девице на голову. А она у нее и так не в порядке. Смотрит дико, сама какая-то изможденная, опять же коробки эти картонные... И несомненная мания преследования. Ее хотят убить! Да кому она нужна-то со своими картонными коробками!

– Не веришь... – усмехнулась девица грустно, – думаешь, у меня крыша поехала...

– А ты... ты ничего не принимаешь? – осторожно спросила я, оглядевшись.

Пустых бутылок я в квартире не заметила, но вот насчет таблеток... Все же картонные коробки наводили на некоторые мысли.

– Думаешь, я наркоманка? – прямо спросила девица. – Если бы было все так просто! Впрочем, он скоро и до такого додумается, скажет, что я колюсь и за себя не отвечаю, еще в клинику насильно упрчет...

Внезапно она закашлялась, да так сильно, что на глазах выступили слезы.

– Да не бойся ты! – прохрипела она, видя, что я непроизвольно отстранилась. – Это нервное, у меня бывает... ничего, сейчас все пройдет...

– Может, тебе чайку выпить? – проговорила я, с тоской поглядывая на дверь. Кстати, из прихожей доносились возня и довольное повизгивание, у тех двоих дело было на мази.

– И то верно! – оживилась моя хозяйка. – Пойдем на кухню!

Вот на кухне у нее был полный порядок. Новые встроенные шкафчики, большой стол, вся бытовая техника хорошей фирмы. Очевидно, все это хозяйское, и появилось в результате ремонта. Но шкафы были совершенно пустые – пара кастрюль да пластмассовые банки с кофе и чаем, ну еще пакеты с крупой и сахаром.

– Меня Любой зовут, – представилась хозяйка, – ужас, до чего свое имя не люблю! Люба-Любушка, Любушка-голубушка, Любовь-Любаша... и так далее.

– Тебе ли жаловаться, – вздохнула я, – я вообще Василиса. Удружили родители, нечего сказать. Назвали бы какой-нибудь Таней или Маней, все лучше...

– Не говори! – подхватила Люба. – Мама думала, назовет дочку Любовью, так у нее в жизни будет много любви.

– Ну и как? – поинтересовалась я. – Сбылось?

– Какое там! – Она махнула рукой. – Ошиблась мама! Не жизнь у меня, а сплошная черная полоса!

– Ну, уж и сплошная... – усомнилась я, – так не бывает...

Между делом она выставила на стол две большие щербатые кружки, одну с отбитой ручкой, в простую фаянсовую сухарницу насыпала печенья, а сахар подала вообще в обычной стеклянной банке из-под маринованных огурцов.

Есть люди, которые на полном серьезе утверждают, что им совершенно все равно, из чего есть и пить чай. А также все равно, чем укрываться и занавешивать окна. Некоторые идут в таких утверждениях еще дальше и заявляют, что им все равно, в чем ходить – была бы одежда чистая и удобная. Но таких все же не очень много – выходя на люди, следует озаботиться своим внешним видом, чтобы не показывали пальцами и не крутили этими пальцами у виска.

Да и на работе существует дресс-код, начальник может сделать замечание. Так что в офисе эти люди одеты прилично, а дома можно полностью оттянуться – ходить в грязной майке и пузырящихся на коленях тренировочных штанах, шаркать разношенными шлепанцами, а для тепла надевать шерстяные носки, обязательно с дыркой на пятке. И чай они пьют из битых кружек, и салат подают в эмалированном тазике. Никто же не видит!

Скажу сразу, я не из их числа. Я очень большое значение придаю сервировке и декору. И чай из таких битых чашек мне просто в горло не полезет!

Я посмотрела на Любу. Вроде бы с виду нормальная женщина, как же дошла она до жизни такой? Может, все-таки она пьет? Или с головой большие проблемы...

Кофе, разумеется, был растворимый, причем самой захудалой фирмы, вместо чая – дешевенькие пакетики, набитые трухой. Ну, это-то как раз понять можно – у человека трудный период, денег нету. С другой стороны, куртка на Любе была хорошей фирмы, только поношенная, ботинки тоже. И ошейник на собаке дорогой. Стало быть, хозяйка и собака знавали лучшие времена.

– Извини за такое скудное угощение, – сказала Люба, – чем богаты...

Я усовестилась – может, и правда у человека беда, а я тут злопыхаю насчет битых чашек...

– Вот ты смотришь на меня с подозрением, – начала Люба, отпив кофе, – я тебя понимаю, сама бы раньше от такой, как я, шархнулась.

– Да я ничего... – проямлила я, едва не подавившись коричневым напитком, напоминающим кофе только по цвету.

Однако Любе нельзя отказать в проницательности. Хотя у меня вечно все написано на лице!

– Думаешь, чего я так испугалась того ведра? – продолжала Люба. – Вроде бы случайность... а отчего тогда тот парень пропал?

– Ну... испугался, что и правда ведром попал, и сбежал... – неуверенно сказала я.

– Ага, и как, интересно, он сбежал? По тросам только вниз спуститься можно. Или на крышу... А он снаряжение бросил, оно, между прочим, дорогое...

– Пересидел на крыше, пока мы не ушли, потом все собрал, – сказала я как можно увереннее. – Видит, две бабы горластые, да еще собаки, побоялся с нами связываться, вот и убежал!

– Ну, не знаю... – задумчиво пробормотала Люба, – может, и правда... Хорошо бы во всех случаях так разобраться.

– А ты расскажи! – опрометчиво предложила я. – Авось тебе полегчает...

Нет, ну отчего мне всегда больше всех надо?

Люба отпила кофе и начала обстоятельный рассказ, в котором, откровенно говоря, не было ничего интересного.

Родилась она в маленьком городке, провела там все детство и юность. Жили они с родителями в небольшом деревенском доме, с садом и огородом. В городке были консервный завод, механизированная колонна, где работало большинство мужского населения, две больницы, две школы, автодорожный техникум и медицинское училище. Мама Любы работала в больнице сменной медсестрой, папа водил грузовик.

Когда Любе исполнилось тринадцать лет, отец ее, севши за руль своего грузовика в сильном подпитии, не вписался в поворот на мокрой осенней дороге. Машина перелетела через ограждение и упала в старый песчаный карьер. Пожар удалось потушить быстро – вокруг осталось еще много песка.

После смерти отца жизнь Любы не очень изменилась, только мама стала еще тише и молчаливее. Вдовство она приняла безропотно, в их городке почти все мужчины не доживали до пятидесяти. Одни, как Любин отец, по пьяному делу разбивались на машинах, другие травились некачественной водкой, третьи прощались с жизнью в результате пьяной драки. Кое-кто умирал от болезней, полученных в результате неумеренного потребления той же водки. Так что Любина мать быстро смирилась со своей судьбой – не одна она такая.

После окончания школы встал вопрос, куда деваться. Выбор у Любы был небогатый: либо – в медицинское училище, либо – ученицей парикмахера. Люба выбрала второе – не могла себе представить, что всю жизнь будет делать уколы и ставить клизмы.

Подружки после школы заторопились замуж – больше в городке было нечего делать. У Любы тоже имелся кандидат – парень из ее класса, его звали Витькой. Мама все вздыхала и говорила, что замуж ей рано. Пока раздумывали, Витьку призвали в армию. Простились похорошему, Люба обещала ждать.

Скучно было эти два года. Люба выучилась на парикмахера, работала потихоньку, ходила с подружками в кино и на дискотеку. Но себя соблюдала честно – раз обещала Витьке, что ждать будет, то надо слово держать. Он там жизнью рискует в горячей точке, ему тяжелее, говорила мама, хотя Витьку не слишком привечала.

В этом месте рассказа на кухню явились две наших собаченции. Вид у Бонни был довольный, Энджи тоже загадочно улыбалась. Вот интересно, что она все лыбится? Мне захотелось, как в старом анекдоте, предложить ей съесть лимон.

Бонни положил огромную голову на стол и аккуратно забрал из сухарницы два последних печенья. Сам есть не стал, а предложил своей даме.

Я вытаращила глаза. Чтобы моя собака отказалась от какой-либо еды? Неужели это любовь?

Люба выпроводила собак за дверь и продолжила рассказ.

Через два года Витька вернулся – чужой и грубый. Рассказывал, сколько у него там было девиц, – врал, конечно, как теперь понимает Люба. Но тогда ей стало очень обидно. Поссорились, Витька начал пить – сначала от радости, что вернулся, потом просто так. В процессе гулянки какая-то сволочь расписала ему Любу такими красками, что Витька пришел в ярость. И главное, все ложь, а он поверил. Тут уж у Любы разыгралась гордость, она послала его подальше при свидетелях.

Витька приходил еще некоторое время поскандальить, потом купил мотоцикл и ударился в загул. Девчонок менял каждую неделю, а то и чаще, нарочно приходил в парикмахерскую в Любину смену и начинал кочевряжиться в кресле, так что заведующая даже пригрозила Любе увольнением.

Ночами Люба плакала в подушку по своей неудавшейся жизни. Деться было совершенно некуда. Подружки все повыходили замуж и нарожали детей. Бывшие одноклассники развлекались по-своему. Кто-то женился и поколачивал жену потихоньку, когда она пыталась наложить лапу на его честно заработанные деньги. Кого-то жена уже выгнала, поскольку денег он не зарабатывал совсем. Кто-то по пьянке полез купаться ранней весной и утонул, потому что не выдержало сердце. А один допился до белой горячки и повесился в сарае на дедовых вожжах. Деда давно не было на свете, а вожжи оказались крепкими.

Одним словом, жизнь была беспросветна.

Осенью под ноябрьские праздники случилось неизбежное: Витька разбился на мотоцикле насмерть. И его мамаша, Любина несостоявшаяся свекровь, не нашла ничего лучшего, как обвинить во всем Любу. Она позорила ее на всех перекрестках, приходила в парикмахерскую, называла всеми неприличными словами и призывала на ее голову всевозможные кары. Общественное мнение оказалось на ее стороне – женщина потеряла сына, от горя сама не своя.

Витькин подрастающий братишка регулярно бил Любе с матерью стекла, так что мама закрыла все окна фанерой, чтобы зря не тратиться. И вот, когда Люба всерьез раздумывала, что лучше – утопиться в реке или отравиться ртутью из градусника, в парикмахерскую явился Петр Кондратенко.

Он поставил свой джип так, чтобы было видно из окна, и выбрал Любино кресло. Тут как раз возникла за окном Витькина мамаша и стала орать. В последнее время она ничем другим не занималась. У Любы тряслись руки, постригла она клиента неважно, но он не сказал ни слова, только поглядывал в окно. Та ненормальная в пылу замахнулась палкой и случайно задела машину. Джип негодуяще завыл. Витькину мамашу как ветром сдуло, видно, не совсем еще ополоумела, а так просто себя накручивала.

У Петра имелись какие-то дела в их городе, он задержался на неделю и по чистой случайности снял комнату у Любиной матери. Дом у них хоть и выглядел неказисто, но мама содержала его в чистоте, и сад вокруг был хороший. Дело шло к весне, расцветали в саду яблони и груши, как поется в старой песне.

Петр настолько отличался от всех прежде виденных Любой мужчин, что она оторопела. Сильный, уверенный в себе человек, он казался ей полубогом.

Он дал Любиной матери денег на новые стекла. Собственноручно починил ворот у колодца. Он катал Любу на своей замечательной машине, и соседки штабелями падали вдоль дороги от зависти. Он поймал Витькиного братишку, когда тот вознамерился побить новые стекла, и макнул его в дворовый туалет, присовокупив, что если еще увидит паршивца возле Любиного дома, то просто утопит его в этом же самом сортире.

И перед отъездом он позвал Любу с собой. Маме он показал чистый паспорт и пообещал жениться на ее дочери сразу же по приезде в большой город. Мама плакала и собирала Любины вещи. Люба была согласна на все. Уехать в большой город, оставив навсегда родные стены, где ничего не было хорошего, кроме мамы. Забыть все неприятности и никогда больше сюда не возвращаться!

– Ну что ж, повезло тебе, – сказала я, доев сахар, оставшийся на дне чашки.

– Ты слушай, что дальше было, – вздохнула Люба.

В первое время Люба всему удивлялась в большом городе. Все казалось ей новым и чужим, она терялась в непривычной городской обстановке, делала все невпопад и больше всего была озабочена, чтобы не попасть впросак.

Петр не наврал: через две недели по приезде они расписались в загсе. Люба послала маме свадебную фотографию и с головой окунулась в семейную жизнь.

Через некоторое время в характере ее мужа обнаружились не слишком приятные черты.

Во-первых, чистый паспорт, свободный от всех отметок о детях и предыдущих женах, оказался совершеннейшей фикцией. Петр получил его буквально три месяца назад взамен утерянного, как поняла Люба, утерянного не случайно. В предыдущих паспортах наличествовали отметки о браке в количестве трех, именно столько раз Петр Кондратенко успел жениться за свои тридцать восемь лет. Люба очень быстро познакомилась с двумя его последними женами, они звонили и приходили требовать алименты. Первая жена жила в пригороде, но зато часто приезжал ее сын, который также требовал денег. Петр денег давать не любил, ругался с женами страстно и заковыристо, называл дармоедками, а детей их – такими словами, что и повторить неприлично. Он вообще в словах не стеснялся, Любу это не то чтобы корбило – с детства и не к такому привыкла, но все же хотелось ласковых слов и понимания.

То, что с первого взгляда она приняла за решительность и смелость, оказалось самоуверенностью и хамством. Там, в далеком своем родном городишке, на фоне пьяниц и неудачников муж казался Любе едва ли не сказочным принцем. Здесь, в большом городе, выяснилось, что ничего особенного в нем нету.

У мужа имелся бизнес – не так чтобы большой, он владел станцией техобслуживания: мойка, шиномонтаж, сход-развал. Деньги у него водились, но Любе он давал совсем мало и все поливал бывших жен с их отпрысками – дескать, сосут из него кровь, паразиты.

По этой причине он и запретил Любе думать о ребенке – еще одного спиногрыза он не потянет, да и не нужен он, у него и так их трое, по одному от каждой жены.

Люба пока молчала, ей и самой хотелось немного подождать. Жили они скучно, муж никуда Любу не водил, развлекался самостоятельно, в компании таких же, как он, мелких бизнесменов. По выходным они обычно ездили на рыбалку, на буднях ходили в сауну и в боулинг. Примерно раз в две недели муж сильно напивался. К такому Люба тоже привыкла с детства, иного себе и не представляла, но уж больно бывал Петр противен, когда выпьет. Злобный, потный, со сверкающими ненавистью красными глазами в мелких прожилках.

Люба его боялась. Знала уже по опыту, что с пьяным мужчиной не то что ругаться – разговаривать и то нельзя, а то получишь по полной, мало не покажется, во всем ему угождала, так и то пару раз то стукнет, то за волосы дернет.

– Да уж, – вздохнула я, – невеселая картина... Мужики все, конечно, хороши, мой тоже не сахар был, но все же руку на меня никогда не поднимал. До самого последнего времени.

Я вспомнила, что развлекал меня мой бывший редко, но все же на корпоративные вечеринки водил. И потом, у меня был мой сад... Клумбы, цветники, газон и розы... Множество розовых кустов. Как-то они сейчас? Как с ними обращаются новые хозяева?

Наш бывший дом мы продали пожилой интеллигентной семейной паре, жене очень понравились мои цветы, и она обещала мне заниматься садом. Что ж, будем надеяться, что моим розам с ней будет хорошо...

Люба снова заговорила, и я усилием воли выбросила из головы розовые кусты.

Семейная жизнь не радовала Любу, но деваться было совершенно некуда – одна в большом городе, без друзей и знакомых, без жилья и без работы. Какой бы ни был муж – все лучше, чем слушать каждый день крики несостоявшейся свекрови под окном и потихоньку готовить себя к самоубийству.

Делами мужа Люба не интересовалась – он сам отвалил ее в первые же дни, сказал, чтобы не совала нос, куда не просят. Немножко отвлекла ее покупка квартиры. Петр разобрался наконец со своими женами и приобрел трехкомнатную квартиру в новом доме. Люба с увлечением занялась обустройством.

Побежали дни, заполненные работой, и в процессе отделки квартиры Люба совсем отдалась от мужа. А он стал все чаще задерживаться допоздна, часто уезжал в выходные, а в будни без предупреждения не приходил ночевать. Люба пыталась поговорить по-хорошему, нарвалась на грубость.

– Ну, ты понимаешь, – криво усмехнулась она, – «деревня замшелая, вывез тебя из дыры, выкопал из дерьма, из хлева, из свинофермы, теперь сиди и не чирикай, будь довольна, что живешь в сносных условиях», и так далее.

– Угу, – кивнула я, – в принципе ничего нового. Все они выражаются примерно одинаково, с разной степенью грубости только, а суть одна и та же...

Наслушавшись такого, Люба совсем приуныла. Выхода не было. С одной стороны, маячил призрак возвращения домой, а чем это, лучше уж смерть. С другой стороны, терпеть такое скотское отношение больше не хватало сил.

Да еще и денег муж перестал давать, мотивируя это тем, что она неумеренно тратит. А тратила Люба исключительно на квартиру – без денег ремонт не сделаешь и мебель не купишь... Но Петр ничего не хотел слушать.

Он стал раздражительный, иногда начинал орать вовсе без повода, по утрам вставал мрачный с похмелья, а после гулянок пахло от него чужими духами, и все рубашки приходилось класть в специальный отбеливатель, иначе губная помада не отстирывалась.

– Ну ты даешь! – возмутилась я. – Как же ты до такого-то допустила? Всему должен быть предел!

– А что я сделаю? – уныло молвила она. – Верить ли, ко мне месяцами не прикасался. Да я и рада была, поскольку ничего уже в душе к нему не осталось, никаких чувств.

Я открыла рот для резкой отповеди, но тут же прикусила язычок. Сама-то я хороша! Муж меня обманывал, целый год роман крутил у меня под носом, а я цветочками занималась! По чистой случайности прозрела...

– Ох и дуры мы... – по-бабьи вздохнула я.

– Вот уж это точно, – поддакнула Люба.

От такой жизни, как у нее, немудрено спятить. Или запить. Ведь подружки закадычной и то нету, чтобы душу отвести!

И тут судьба послала ей Антона.

– Та-ак... – медленно протянула я, – вот и к делу подошли. Ну давай, подруга, рассказывай про Антона, хотя я и так примерно знаю, как дело обернулось.

– И совсем не так, – грустно улыбнулась Люба, – все совсем по-другому было.

Познакомились они случайно – не то он на нее налетел, не то в дверях столкнулись. Кажется, Люба его ударила нечаянно.

Короче, пока извинялись, он пригласил ее в кафе. Тут еще дождь пошел, а он упал, и пока чистился в туалете, попросил за его портфелем приглядеть. Ну, выпили кофейку, разговорились. Просто так, по-хорошему, как близкие друзья.

– Ну уж сразу как близкие друзья... – усомнилась я.

– Да ты не представляешь, вот сижу я, его слушаю, и как будто сто лет этого человека знаю! Столько общего у нас с ним оказалось, просто удивительно! Он так интересно про город рассказывал, столько мне всего показать хотел! А мне так стыдно – почти три года здесь прожила и ничего не видела!

– А он красивый? – перебила я. – Ну этот Антон твой, как из себя – красивый?

– Красивый... – она сникла, – только никакой он не мой. В общем, встретились мы с ним еще пару раз. Ничего не было, клянусь! Только в кафе посидели, в ресторан я не пошла.

А вечером муж пораньше вернулся, да с порога как хлоп меня по щеке! Да хлоп по другой! Ты, говорит, такая-сякая, чего это вздумала? На мои деньги живешь на всем готовом, так еще и хахаля решила завести? Я отвечаю – да какой хахаль? Не было ничего! А ему, видно, донесли, видели нас с Антоном в том кафе, да еще от себя какая-то сволочь присочинила, чего и не было. Ну и пошло-поехало. Отхлестал меня по морде, я и завелась. Тебе, говорю, можно, а мне нельзя? Ты, говорю, когда в последний раз домой в нормальном виде приходил? Замучилась, говорю, твои рубашки от губной помады отстирывать, а про белье и говорить нечего! Всех шлюх в городе перебрал!

– В общем, перешла от обороны к наступлению, – констатировала я. – Ну и как, помогло?

– Какое там! – Люба махнула рукой и отвернулась. – Еще больше он разъярился, за волосы меня по всей квартире возил, стыдно сказать, в унитаз макал. Сильно-то не бил, боялся, наверно, что по судам затаскаю. У него ведь опыт разводов есть. А потом схватил нож и всю одежду мою перерезал. Телефон мобильный разбил – чтобы, говорит, ты хахалю своему не звонила. А его, говорит, найду и убью! Ну, в такое-то я не очень поверила, все же муженька своего дорогого за три года изучила, станет он связываться! Но все же подойти к нему побоялась, пока он с ножом-то. Еще пырнет сдуру.

– А потом что было? – Теперь я слушала ее рассказ с живейшим интересом.

– Потом он ушел. А я собрала вещички, что поцелее, деньги хозяйственные прихватила, сколько оставалось, документы, да и дала деру. Кончилось мое терпение, в унитазе головой побудешь – сразу решимости прибавится!

– Молодец! – одобрила я.

– Ночь на вокзале перекантывалась, утром вот эту квартиру по объявлению на столбе сняла, – продолжала Люба, – неделю на улицу не выходила, пока синяки не прошли, потом пошла к адвокату и на развод подала. И вот тут-то все и началось. Подстерег меня муженек на улице, да как давай орать! Сказал, что я могу на все четыре стороны убираться, но ничего он мне не отдаст, нитки с собой не унесу!

– Так у тебя вроде и так ничего из одежды нету, он об этом позаботился...

– Дело не в шмотках, – отмахнулась Люба, – квартира-то новая на меня записана. Он, Петька, сам так предложил, чтобы с бывшими женами заморочек не было. И теперь его жаба задушила. А по суду он при наилучшем раскладе может только на половину квартиры претендовать, мне адвокат объяснил...

– Круто! – восхитилась я. – Не поддавайся, дело твое верное, жилье себе отсудишь!

– Да мне всю квартиру и не надо, поделили бы по-честному... – вздохнула Люба.

Ох, как все это мне знакомо! То же самое у меня было. Уперся бывший муженек, от жадности хотел меня даже на зону упечь, только чтобы дом ему достался!

– Как я тебя понимаю! – искренне сказала я.

– Тут все и началось, – сказала Люба, – ты думаешь, с чего я такая нервная? Поклялся мне Петька, что сживет меня со свету, метра мне не уступит! И слово свое держит, ты сама видела. Это ведро последней каплей было, вот я и психанула. А до этого... сначала машина меня едва не сбила поздно вечером. Я марку не разглядела и водителя тоже. Думаю, муж кого-то нанял.

– Да, может, просто пьяный за рулем был – поздно-то ночью! – усомнилась я. – Сама знаешь, как сейчас водители гоняют... Ты, конечно, извини, если бы муж кого-то нанял, то тебя бы наверняка сбили... Как же ты спаслась?

– Сама не понимаю, – вздохнула она, – оглянулась в самый последний момент и вдруг поняла, что сейчас меня давить будут. Скакнула в сторону таким прыжком – будто олимпийская чемпионка, от страха силы откуда-то взялись. А там подъезд незакрытый оказался. Я – туда, смотрю из-за двери, машина развернулась прямо на тротуаре и уехала. Молча так, деловито, водитель даже не вышел, хотя об угол дома бампером задел и что-то там разбил.

– Да, подозрительно... – протянула я.

– Дальше – больше, – продолжала Люба, – стою в метро на перроне, народу полно, поезда давно не было. Ну, видим, идет наконец поезд, все засобирались, придвинулись к краю перрона, давиться начали, вдруг как толкнет меня кто-то в спину. И вот чувствую, что лечу прямо на рельсы, сзади кричат, поезд гудит... я уже с жизнью успела попрощаться, и вдруг, в самый последний момент ловит меня кто-то за ноги и втаскивает на перрон. Мужик попался здоровенный, и реакция отличная, бывший спортсмен. Кошелек только из кармана вылетел и перчатки. Перчатки мне потом дежурная такой палкой специальной вытащила, а кошелек потерялся. Ну да и ладно...

– Не врешь? – спросила я, немного подумав.

– Вот честное слово, разрази меня гром! – поклялась Люба. – Да разве сама на себя такое наговаривать станешь? Ведь сглазить можно! Я себе не враг...

– Давай дальше! – деловито распорядилась я. – Ведь еще что-то было, так?

– Так, – согласилась Люба. – Тут не так давно, ранней весной, когда сыро было, иду я по улице, и вдруг с фонарного столба на землю падает оголенный провод. Попал он прямо в лужу и как давай искрить! Синие такие искры, ужас! Лужа огромная, никак ее не обойти, и какой-то добрый человек положил дощечку. Вот стою я на этой узенькой дощечке, окаменела вся от ужаса, тут дед какой-то палкой своей с резиновым наконечником провод этот из лужи вытащил – идите, говорит, девушка, теперь безопасно. Смотрим мы с ним наверх, на столб, а там – никого, вот как сегодня с ведром было...

– Да, – нахмурилась я, – досталось тебе. И не захочешь, а с катушек сойдешь.

– И еще, – грустно усмехнулась Люба, – думаешь, отчего у меня бедность такая с вещами? Как вселилась я в эту квартиру, с собой, конечно, ничего не принесла, не до того было. Но тут у хозяина сервиз был, простенький, правда, кастрюли опять же все новые, кофеварка, печка микроволновая... В общем, все самое необходимое, жить можно. И вот прихожу я как-то домой, а в квартире – как Мамай прошел. Все шкафы на кухне раскрыты, посуда перебита, техника бытовая сломана, а кофеварка и вовсе пропала.

– Силен твой муженек! – изумилась я. – Как же он в квартиру-то попал?

– Сама не знаю, – Любины глаза наполнились слезами, – замки у хозяина хорошие, дорогие... И главное, я-то их поменять не могу! Хорошо, что хозяин сейчас на три месяца по делам уехал, я ему деньги за печку и кофеварку отдала, а с сервизом он сказал не заморачиваться, дешевенький был... Вот живу теперь как на вулкане – вдруг кто-то ночью явится по мою душу. Собаку завела...

– Да? – встрепенулась я. – А я грешным делом думала – ты ее у мужа утащила...

– Станет этот жлоб еще на собаку тратить! – фыркнула Люба. – Он домашних животных терпеть не мог – только, говорит, жрут без меры и гадят, а пользы от них никакой!

Есть, конечно, супружеские пары, которые разводятся интеллигентно, без скандала, но среди моих знакомых таких отчего-то не водится. У меня самой развод отнял лет десять жизни, если не больше, но муженек мой бывший по сравнению с Любиным Петькой просто ангел во плоти! Хотя, конечно, в процессе продажи дома он загодя вывез оттуда все ценные вещи, чтобы мне ничего не досталось, – те же сервизы и вазы, подаренные нам на свадьбу, антикварные бронзовые часы, очень дорогую старинную хрустальную люстру, разные мелочи... Но я решила не обращать на это внимания, потому что примерно такого и ожидала, все-таки успела его изучить.

Но из-за квартиры пытаться убить собственную жену – это уже чересчур!

– А отчего ты в милицию не обратилась? – спросила я и тут же поняла, что сморозила глупость.

– Вот именно, – скривилась Люба, – какие у меня доказательства? Машины той никто не видел, в метро могли случайно столкнуть, толчая была страшная, провод вообще сам упал, а про квартиру я никому не сказала, чтобы с хозяином неприятностей не было. И потом, как узнали бы в милиции, что дело у нас семейное, разборки между мужем и женой, так вообще никто и не взял бы заявления – сами, мол, свои вопросы решайте, у милиции и без вас хлопот хватает, выше головы. Мы ведь и не разведены официально. Петька заявил, что развода мне не даст, пока от квартиры не откажусь.

Люба закрыла лицо ладонями и затихла. Мне вдруг стало ее ужасно жалко. В самом деле, ну безвыходное у человека положение! Ведь эта скотина, ее муженек, очень даже просто добьется своего! Или она со страху рехнется и выбросится из окна!

Я и сама была в таком положении, но мне помогли. Дядя Вася доказал мою невиновность, а двое его приятелей из милиции припугнули моего бывшего, чтобы не чинил препятствий при разводе и поделил имущество по-честному.

– Слушай, есть у меня один знакомый... – осторожно начала я, – он – частный детектив, очень опытный человек, раньше в милиции работал, а теперь на пенсии. Он тебе обязательно поможет, ты только держи себя в руках.

– Думаешь, поможет? – Люба посмотрела на меня, на щеках ее застыли две дорожки слез.

– Обязательно поможет! – заверила я ее. – Я его знаю! А сейчас нам пора!

Против ожидания, Бонни пошел со мной охотно, из чего я сделала вывод, что любвеобильная Анджелина Джоли успела ему порядком надоесть. Ну и ладно!

К телефону дядя Вася не подходил. Это было странно, потому что обычно он проводит все свое время, сидя в собственной квартире, превращенной им в офис, и тупо разглядывает старый телефонный аппарат, ожидая, что он наконец зазвонит.

Несмотря на то, что Василий Макарович регулярно публикует объявления в рекламной газете о том, что частный детектив с огромным опытом работы с удовольствием решит все проблемы клиента, эти самые клиенты попадают в дяди-Васины сети далеко не так часто, как хотелось бы. Собственно, опыт работы у него действительно огромный, да и дела дядя Вася умеет распутывать качественно, беда в том, что клиенты ему попадают какие-то несолидные или с криминальным душком. И денег за его работу или вообще не платят, или платят очень мало. Так что мы еле-еле сводим концы с концами, хорошо хоть арендную плату самому себе вносить не надо.

Может, он в гараже, пытается реанимировать ржавое ведро, называемое им машиной? Не дай бог назвать его старые «жигули» тем, что они есть на самом деле, дядя Вася обидится до слез, он любит свою машину так же сильно, как я Бонни.

Я набрала мобильный. Тоже долго никто не отвечал, потом раздался невнятный шепот:

– Чего тебе, Василиса?

– Поговорить... дело у меня...

– Говорить не могу, нахожусь на задании! – отрапортовал дядя Вася тем же неразборчивым шепотом. – И не звони мне больше, как управлюсь – сам с тобой свяжусь!

Вот так вот. Еще вчера мы вместе гуляли с Бонни, и дядя Вася жаловался на недостаток заказов. А сегодня с утра он уже на задании, такой занятой, даже меня не предупредил.

Вот всегда так, он все норовит сделать сам, как будто мы не равноправные партнеры. Хотя дядя Вася все время дает мне понять, что на самом деле частный детектив – это он, а я только так, сбоку припеку. Однако как только понадобится ему для оперативной работы женщина, так сразу ко мне бежит. А как в кои-то веки я к нему обратилась – так он сразу занят!

И что же теперь делать? Ведь я обещала Любе помощь. Сама обещала, никто меня за язык не тянул. Она и так никому не верит, если еще я ее обману – совсем девка с катушек съедет. Видно же, что дошел человек до ручки.

– Вот так вот, Бонечка, – сказала я, потрепав Бонни по загривку, – дядя Вася велел его не беспокоить. Бросил он нас с тобой на неопределенное время.

«Не верю!» – просигнализировал мне Бонни глазами. Он очень любит дядю Васю и проводит с ним много времени. Они очень мило общаются: вместе клеят модели танков и самоходок, читают старые детские книжки и решают шахматные задачи из журнала «Наука и жизнь» за шестьдесят восьмой год.

Дядя Вася принес с помойки в гараж огромную кипу таких журналов, рассортировал их по годам и перечитывает по порядку, а потом уже выбрасывает.

– Что ж, тогда остался последний вариант! – вздохнула я.

Бонни тут же встал как вкопанный и поглядел на меня очень внимательно.

«Это то, о чем я думаю? – спросил он глазами, и когда я ответила утвердительно, высказался более определенно: – Василиса, ты вдвойне дура! Во-первых, потому что помогаешь совершенно незнакомой девице, которая тебя не очень-то об этом и просила, а во-вторых, собираешься обратиться за помощью к милиции».

«Не просто к милиции, а к знакомой милиции!» – мысленно ответила я Бонни.

Но Бонни хоть и собака, а разбирается в ситуации лучше меня.

Не скажу, что в знакомых у меня ходит весь наличный состав городской милиции, но два знакомых капитана у меня были. Познакомились мы несколько месяцев назад, когда эти самые капитаны – Творогов и Бахчинян – пришли меня арестовывать за убийство, которого я, само собой, не совершала.

А когда оказалось, что я ни в чем не виновата, Леша Творогов усовестился и внезапно вспылал ко мне нежными чувствами. Но выразить эти чувства так и не сумел, да я и не слишком настаивала. Однако знакомство мы поддерживаем – Леша не теряет надежды, а я на всякий случай – мало ли как жизнь обернется, всегда полезно иметь в друзьях капитана милиции. Лучше, конечно, генерала или хотя бы полковника, но это уж кому как повезет.

Василий Макарович опасливо огляделся по сторонам и убрал телефон в карман. Вот угораздило Василису позвонить так не вовремя! Этак он злоумышленника упустит!

Он спустился по потайной лестнице, которую обнаружил за шкафом в чулане.

Спуск показался ему очень долгим, но наконец закончился. Дядя Вася оказался на ровном каменном полу.

Он посветил перед собой и увидел сводчатый коридор, уходивший в темную глубину.

Наверняка это был один из старинных подвалов, которых, как говорят, очень много в старых районах Петербурга, особенно на Васильевском острове. Старожилы острова говорят, что некоторые из этих подвалов сохранились еще с восемнадцатого века, чуть ли не с петровских времен. Местная молодежь мало интересуется историческими изысканиями, зато с удовольствием обследует подвалы в поисках экстрима и приключений.

Возможно, тот парень, который обкрадывает магазин, тоже путешествовал по старинным подвалам и случайно наткнулся на тайный проход в кладовку, а найдя его, решил, так сказать, соединить приятное с полезным.

Преследовать молодого и спортивного парня в подвалах было дяде Васе явно не по возрасту, и он уже хотел вернуться и доложить хозяину магазина о своем открытии. Собственно, его работу следовало считать выполненной – правда, он не поймал вора, но нашел путь, которым тот пользовался. Теперь достаточно заколотить потайную дверь, и воровство прекратится...

Однако Василий Макарович чувствовал все же некоторую неудовлетворенность.

Работая в милиции, он привык к тому, что успешное расследование должно завершаться арестом подозреваемого.

И тут впереди, метрах в десяти от лестницы, он заметил мелькнувший свет. Наверное, воришка, спустившись по лестнице, затаился в темноте, а теперь, немного переждав, включил ненадолго свой фонарик, чтобы осветить участок дороги перед собой.

– Стой! – закричал дядя Вася, не сдержав своего профессионального инстинкта, и бросился на огонек. – Стой, стрелять буду!

Конечно, стрелять ему было не из чего, но подозреваемый-то этого не знает!

Однако беглец и не подумал остановиться. Видимо, он рассудил, что в темноте попасть в него практически невозможно.

Василий Макарович, вспомнив свое боевое прошлое, бежал что было сил, освещая дорогу перед собой фонариком, однако возраст давал себя знать: расстояние между ним и беглецом неуклонно увеличивалось.

Местами каменный пол подземелья был залит водой, из темноты то и дело доносился писк, и в тусклом луче фонаря мелькали, разбегаясь в разные стороны, десятки крыс.

Через несколько минут Василий Макарович уже начал терять надежду и хотел прекратить преследование, но в это время впереди послышался глухой звук падения, крик боли и поток ругательств: видимо, беглец споткнулся в темноте и упал.

Дядя Вася приободрился и снова прибавил шагу.

Беглец поднялся и опять припустил вперед, но теперь его шаги звучали неровно, должно быть, он подвернул ногу или разбил колено и теперь заметно хромотал, так что шансы уравнились.

Но и Василий Макарович начал уставать: он дышал тяжело и прерывисто, сердце кололось где-то в неподобающем месте.

Неожиданно туннель перед ним раздвоился, один коридор шел в прежнем направлении, другой свернул под прямым углом вправо. Судя по доносящемуся издалека звуку шагов, беглец свернул в правый коридор, и дядя Вася последовал за ним. Однако за первой развилкой последовали вторая и третья, и через полчаса Василий Макарович уже совершенно утратил направление. Если бы теперь он захотел прекратить преследование, он уже просто не смог бы выбраться из подземелья, да и вообще вернуться в магазин.

Так что теперь ему оставалось только следовать за невидимым беглецом, надеясь, что тот куда-то приведет его...

К счастью, тот шел теперь гораздо медленнее, видимо, тоже устал или потерял направление.

Дядя Вася попытался снова воззвать к его разуму:

– Стой, парень! Ну, куда ты убегаешь? Заблудишься же!

Но беглец и на этот раз ничего не ответил, только чертыхнулся, видимо, задев ушибленное колено.

Погоня продолжилась в том же порядке, и Василий Макарович уже здорово пожалел, что ввязался в нее: надежда благополучно выбраться из подземелья таяла с каждой минутой...

В довершение ко всем неприятностям свет фонарика постепенно бледнел, батареи садись, и дядя Вася понял, что скоро он останется в полной темноте.

Вдруг шаги впереди затихли, должно быть, беглец попал в тупик и остановился. А может, ему надоело убегать и он решил сдаться? Или, наоборот, затаился в темноте, за поворотом коридора, чтобы неожиданно напасть на своего упорного преследователя?

Дядя Вася замедлил шаги, осветил фонарем туннель.

На самом деле, в нескольких метрах перед ним подземный коридор заканчивался, упираясь в глухую каменную стену. Перед этой стеной испуганно сжался тот самый парень, которого Василий Макарович выследил в магазине и с тех пор упорно преследовал. Закрывая лицо от света, он бормотал:

– Не стреляйте! Я все отдам...

– То-то! – проговорил дядя Вася, приближаясь. – Конечно, отдашь! Ишь, выдумал! Думал, это игра...

Вдруг парень повернулся к нему спиной и зашарил руками по стене, словно хотел что-то на ней нащупать.

– Ты чего это? – забеспокоился Василий Макарович. – Опять что-то удумал? Ты это брось! Сдавайся по-хорошему...

И в это самое мгновение стена, преграждавшая дальнейший путь, с негромким скрипом отъехала, открыв дверной проем. Беглец нырнул туда и снова исчез.

– Ах ты, мазурик! – вскрикнул дядя Вася и бросился вперед, пока потайная дверь не закрылась.

Он успел как раз вовремя, едва протиснулся между стеной и закрывающейся дверью и оказался в большой круглой комнате с высоким сводчатым потолком.

Беглеца не было видно, зато по стенам комнаты, куда доставал слабеющий свет фонарика, Василий Макарович разглядел какие-то металлические шкафы, стеллажи и приборы. А на стене справа от двери он увидел рубильник.

– Была не была! – крикнул дядя Вася и решительно дернул ручку рубильника.

Комнату залил яркий свет люминесцентных ламп.

– Ох, ни фига себе! – проговорил Василий Макарович, оглядевшись по сторонам.

Комната, куда он попал, нисколько не напоминала заброшенный подвал позапрошлого века. Она напоминала то ли центр управления полетом, то ли штаб современной ракетной части. Вдоль стен стояли столы с компьютерами, множество мониторов с выключенными экранами, стеллажи с какими-то папками.

Беглеца не было видно, но, внимательно прислушавшись, дядя Вася уловил шорох, доносившийся из одного из шкафов.

– Ну, парень, не надоело тебе бегать? – рассудительно проговорил он, приближаясь к шкафу. – Может, передохнем малость?

– Пе... передохнем! – донесся из шкафа придушенный голос. – А вы стрелять не будете?

– Не буду, не буду! – Дядя Вася усмехнулся. – А что это за место, куда мы попали?

– Не... не знаю! – отозвался голос из шкафа. – Я сюда один раз случайно зашел... когда изучал подвалы...

– Интересное местечко! – Василий Макарович подошел к одному из мониторов, ткнул пальцем в кнопку.

Экран монитора засветился, на нем появилось изображение какой-то комнаты. За длинным столом сидело несколько солидных мужчин в строгих деловых костюмах, один из них что-то говорил, остальные внимательно слушали, однако все это происходило в полной тишине, видимо, звук был отключен.

Дядя Вася выключил этот монитор и включил следующий. Там не было офиса, и деловых мужчин тоже не было. Там молодая, скромного вида женщина топталась у раковины – не то посуду мыла, не то овощи чистила.

– Интересно! – повторил дядя Вася. – Это они за кем-то наблюдают... только за этой-то девушкой зачем смотреть? На первый взгляд ничего в ней нет особенного... а все же, куда же это мы забрели?

Вдруг он насторожился: из-за двери донеслись какие-то подозрительные звуки, приближающиеся шаги и обрывки разговора.

– Эй, парень! – озабоченно произнес Василий Макарович. – Никак хозяева идут! Что-то мне подсказывает, что нам не будут рады, так что давай-ка смываться, пока не поздно!

Из шкафа донеслась суетливая возня, дверца начала открываться.

Дядя Вася не стал задерживаться, он бросился к единственной двери.

К счастью, дверь открылась легко, и он успел выскочить в коридор, предварительно дернув рукоятку рубильника.

Вокруг снова воцарилась глубокая тьма, и Василию Макаровичу поневоле пришлось включить фонарик.

Те люди, чьи голоса он услышал из комнаты, были еще за поворотом туннеля и не могли его видеть. Видимо, он расслышал их приближение благодаря каким-то особенностям акустики.

Во всяком случае, у него было совсем мало времени. И почти никакого выбора.

Если бежать вперед по коридору – наткнешься на тех самых людей, встречи с которыми он старался избежать, если вернуться в комнату – окажешься в мышеловке... в общем, положение, как у того витязя на распутье: налево пойдешь – голову потеряешь, направо пойдешь – вообще кранты...

И тут Василий Макарович заметил в стене коридора неприметную, но довольно глубокую нишу, заметить которую можно было только с порога комнаты.

Выбора, так или иначе, не было, и дядя Вася юркнул в эту нишу, торопливо выключив фонарик.

И успел сделать это в самый последний момент – буквально через несколько секунд мимо него прошла группа мужчин самого подозрительного вида. Впрочем, в темноте, при неровном свете фонарей кто угодно покажется подозрительным.

– Смотрите-ка, – настороженно проговорил один из незнакомцев, вынимая пистолет и щелкая предохранителем. – Похоже, у нас гости! Дверь открыта...

Шаги на мгновение затихли. Затем послышались звуки борьбы и крик боли – должно быть, магазинный воришка попытался сбежать, но попал в руки хозяев подземного офиса.

– Ага, – удовлетворенно воскликнул хриловатый насмешливый голос. – У нас тут крыса завелась! И какая крупная крыса!

– Отпустите меня... – верещал воришка. – Я ничего не трогал, честное слово! Отпустите...

– А как ты вообще здесь оказался, гаденыш?

– Случайно...

– Ага, собачку выгуливал и зашел на огонек!

– Хватит с ним болтать, – оборвал хриплого второй голос, сухой и повелительный. – Кончить его, и все дела!

– За что?! – завопил воришка. – Я же говорю, что ничего не трогал! Отпустите меня...

– Ага, отпустить, а завтра сюда нагрянут все твои друзья-приятели...

– Честное слово, я никому не расскажу, ни одной живой душе!

– Конечно, не расскажешь! Мертвые вообще народ неразговорчивый...

– Постой-ка! – снова вмешался в разговор сухой голос, явно принадлежавший начальнику этого подземного офиса. – Ты, крысеныш, говори – кроме тебя, в этой комнате никто не был? Никто из твоих приятелей?

Воришка тянул с ответом, и Василий Макарович напрягся. Если сейчас парень заложит его, расскажет, что где-то рядом находится еще один человек, – эти загадочные люди бросятся на поиски, а дальше все предсказуемо: найти старого мента они смогут за считанные минуты, они-то эти подземелья знают как свои пять пальцев...

Но парень наконец ответил:

– Нет, никого, кроме меня... я эту комнату только что нашел, совершенно случайно...

– Врешь, наверное! – недоверчиво проговорил начальник. – Но времени проверять твои слова все равно нету... ладно, Арсен, разберись с ним. Только не здесь, где-нибудь подальше, чтобы на труп другие... крысы не сбежались!

Василий Макарович облегченно перевел дыхание: парень его не выдал, наверное, решил, что ему это все равно не поможет...

Дверь подземного офиса закрылась, и мимо ниши, где прятался дядя Вася, прошли два человека – магазинный воришка и тот самый Арсен, которому предстояло стать его палачом...

Воришка шел нога за ногу – кому хочется спешить навстречу смерти! Арсен его раздраженно подгонял, но у него ничего не получалось.

Выждав чуть больше минуты, дядя Вася выбрался из своего укрытия и осторожно двинулся вперед... точнее, назад, подальше от таинственной подземной комнаты.

Таким образом получилось, что он пошел следом за теми двумя – за палачом и жертвой.

Василий крался за ними – и в душе его понемногу зрело роковое решение. Он понял, что не может оставить несчастного парня в лапах убийцы. Хотя тот и воришка, хотя он доставил дяде Васе много хлопот – но вовсе не заслужил такую страшную смерть!

В одиночестве, в темноте сырого и грязного подземелья...

Нет, такую смерть и врагу не пожелаешь! А ведь он совсем молодой парнишка, у него вся жизнь впереди! Да еще и родители...

Дядя Вася представил, как долго и безуспешно они будут разыскивать сына, сколько горя переживут!..

Кроме того, парень спас самого дядю Васю, не выдал его этим страшным людям...

Нет, Василий Макарович обязан спасти мальчишку, чего бы это ни стоило.

Правда, легко сказать, и гораздо тяжелее сделать! Арсен – наверняка молодой, сильный, тренированный, он, несомненно, вооружен, а самое главное – отлично знает эти подземелья, легко в них ориентируется.

На стороне же дяди Васи только одно преимущество – внезапность.

Арсен не подозревает о его присутствии, он не готов к нападению сзади. Значит, нужно как можно лучше использовать свой единственный козырь и ни в коем случае его не потерять, ни в коем случае не выдать свое присутствие противнику...

Сейчас пробираться по коридору стало гораздо труднее, потому что нельзя было воспользоваться фонарем, да еще приходилось идти как можно тише, чтобы Арсен не расслышал его шагов. А шагать бесшумно в почти абсолютной темноте – это задача непростая, особенно для пенсионера, пусть даже и бывшего мента.

Темнота все же не была полной, потому что до Василия Макаровича доходили слабые отсветы от фонаря Арсена. Однако этих отсветов хватало только для того, чтобы различить мечущихся по коридору многочисленных крыс, распуганных людьми.

Дядя Вася сделал еще один шаг и поскользнулся.

Он сумел удержать равновесие и не упасть, но Арсен что-то расслышал и насторожился.

– Эй, кто там? – выкрикнул он из темноты и посветил фонарем в направлении подозрительного звука.

Дядя Вася прижался к стене и задержал дыхание.

Свет фонаря пробежал по полу, задержался на крысиной морде с тускло горящими красными глазами и померк.

– Крысы! – удовлетворенно проговорил Арсен и продолжил путь.

Пока его фонарь освещал коридор, Василий Макарович успел заметить на полу крупный тяжелый камень. Сейчас, вернувшись на середину коридора, он наклонился, чтобы подобрать этот камень.

Есть такая советская картина «Булыжник – оружие пролетариата».

Так вот, для бывшего мента в безвыходном положении булыжник – тоже оружие. Конечно, за неимением табельного.

Дядя Вася шарил по холодному полу, но камень все не попадался ему в руку. Зато попалось что-то теплое и живое, раздался резкий противный писк... Василий Макарович отдернул руку... и наткнулся на тот самый булыжник.

Подобрав его, он распрямился и крадучись двинулся вперед.

Несчастный воришка, конечно, не подозревал о его присутствии и намерениях, однако невольно подыгрывал дяде Васе, всеми силами тормозя движение.

Наконец Арсен не выдержал и зло проговорил:

– Ну, ты меня уже достал! Чего ты хочешь? Чтобы я еще больше разозлился?

– Хочу, чтобы ты отпустил меня, дяденька! – жалобно проговорил парень.

– Ну все, я тебя прямо здесь пристрелю! Надоело мне в темноте с тобой таскаться!

Василий Макарович услышал, как сухо щелкнул предохранитель пистолета...

Ему оставалось пройти всего несколько шагов.

Теперь, когда Арсен отвлекся на разговор со своей жертвой, можно было не так таиться. Дядя Вася стремительно метнулся вперед, ударил камнем в то место, где, по его представлениям, находилась голова Арсена...

Раздался хриплый крик, посыпались ругательства на незнакомом языке.

Арсен выронил фонарь и тряс рукой – Василий Макарович попал камнем не по голове, а по плечу, но все же на какое-то время обезвредил противника. На какое-то совсем короткое время, может быть, на долю секунды...

Но парень, которого только что ждала страшная смерть, воспользовался этой долей секунды – он подхватил с пола фонарь и ударил Арсена по голове.

На этот раз удар достиг цели – Арсен охнул и повалился на пол.

Парень стоял столбом и изумленно смотрел на поверженного противника.

– Пойдем скорее отсюда! – попытался достучаться до него Василий Макарович.

– Я его... я его, кажется, убил!.. – проблеял парень дрожащим голосом.

– Да ничего ему не сделается! – попытался успокоить его дядя Вася. – Здоровенный мужик, а в голове у него – вообще две извилины, так что она не является жизненно важным органом. А вот если мы отсюда живо не уберемся, подоспеют его приятели, и тогда уж нам с тобой будет не до шуток!

– Вы уверены? – продолжал ныть парень. – Я его точно не убил?!

– Говорю тебе – жив-здоров! Ничего ему не сделается! Да он скоро уже очухается, так что нам нужно скорее отсюда уходить!

Парень все никак не мог прийти в себя. Дядя Вася встряхнул его хорошенько, но и это не помогло.

– Ну, парень, возьми себя в руки! Не могу же я тебя на себе тащить... я уже не в том возрасте!

Тут Арсен пошевелился и застонал.

– Ну вот, видишь – он уже оживает!

Наконец парень опомнился, встряхнулся, как собака после купания, и посмотрел на своего спасителя вполне осмысленными глазами.

– Ну вот, слава богу, становишься похож на человека! – обрадовался Василий Макарович, подобрал фонарь Арсена и устремился в темноту. – Бежим скорее отсюда!

Парень припустил за ним, и через несколько минут они достаточно далеко ушли от оглушенного бандита.

Тут дядя Вася остановился и осветил своего молодого спутника.

– Как тебя зовут-то? – осведомился он.

– Леха... Алексей! – сообщил парень неохотно. – А вы кто? Вы из милиции?

– Не то чтобы из милиции, – замялся дядя Вася. – То есть раньше я и вправду работал в милиции, а теперь – частный детектив. Меня нанял хозяин того магазина, чтобы разобраться с кражами. Зовут меня Василий Макарович.

– Ну и что – сдадите меня этому кровососу? – спросил Леха, и глаза его забегали. Дядя Вася понял, что он прикидывает, как бы половчее удрать от бывшего мента.

– Даже и не думай об этом! – проговорил Василий Макарович строго. – Я тебе только что жизнь спас! Тебя, если ты не забыл, пристрелить собирались! Так что теперь твоя очередь. Ты ведь, я так понимаю, эти подвалы очень хорошо знаешь? Выведи меня отсюда на свет божий – и тогда мы квиты!

– Да я что? Я ничего! – Парень огляделся. – Я, правда, этот угол не очень хорошо знаю, но попробую выйти в знакомые места... сейчас, кажется, нужно идти направо...

Некоторое время они шли в молчании.

Леха внимательно приглядывался к развилкам и поворотам туннеля, отыскивая какие-то ему одному известные приметы. Правда, по его неуверенному виду дядя Вася понял, что они все еще не добрались до знакомых мест.

– А что это за комната была, куда мы попали? – опасливо проговорил парень, задержавшись на очередной развилке. – Что там за экраны и устройства?

– А я знаю? – Дядя Вася пожал плечами. – Какое-то бандитское логово... за кем-то они оттуда следят... а ты почему про это спрашиваешь?

– Кажется, мы снова туда пришли...

Леха прижал палец к губам и выключил фонарь.

В непроглядной темноте, навалившейся на них, дядя Вася увидел где-то впереди мелькающие отсветы фонарей и расслышал негромкие голоса.

– Уходим отсюда! – зашептал Леха, схватив его за плечо, и потащил назад.

Некоторое время они шли в полной темноте, наконец дальние голоса окончательно стихли, Леха включил фонарик и облегченно перевел дыхание:

– Ну, кажется, вышли к знакомым местам! Этот коридор я вроде бы знаю...

На взгляд Василия Макаровича, тот коридор, в котором они оказались, ничем не отличался от всех остальных, но он подумал, что Леше виднее, и доверился своему молодому проводнику.

Тот действительно зашагал гораздо бодрее и вскоре остановился возле каменных ступенек, уходящих вверх, к сводчатому потолку.

Поднявшись по этим ступеням, спутники оказались под круглым чугунным люком.

– Давайте вместе нажмем, он тяжелый! – проговорил Леха, упираясь в люк плечом.

Василий Макарович помог ему, и совместными усилиями они подняли люк.

Выбравшись наверх, они оказались в темной подворотне одного из старых василеостровских дворов. Однако после глубокой, беспросветной тьмы подземелий дядя Вася едва не ослеп, таким ярким показался ему дневной свет.

– Где это мы? – спросил он Леху, инстинктивно понизив голос.

– Во дворе позади аптеки Пеля! – ответил парень жизнерадостно. – Все, можете не шептать! И на этом позвольте с вами попрощаться! – Он шутливо расшаркался.

– Только смотри – чтобы в тот магазин больше ни ногой! – напомнил ему Василий Макарович. – И ни в какой другой!

– Да уж я вообще теперь в подвалы не сунусь! – Леха махнул дяде Васе рукой и бодро зашагал по своим делам.

А дядя Вася неторопливо покинул двор, действительно оказавшись на Большом проспекте, возле входа в самую старую аптеку Петербурга, известную как аптека доктора Пеля.

Он шел не спеша, наслаждаясь свежим воздухом и дневным светом, и мысленно перебирал свои сегодняшние достижения.

В принципе, он успешно выполнил задание хозяина магазина – выяснил, как туда проникали воры, точнее, каким способом они оттуда скрывались с ворованным имуществом, так что теперь с воровством будет покончено.

Но по ходу дела он обнаружил загадочный подземный командный пункт или центр слежения.

Что за люди в этом центре базируются и чем они занимаются, за кем следят – оставалось для него загадкой, но дядя Вася инстинктом старого мента чувствовал, что туда лучше не лезть, слишком опасное это место...

Итак, я решила поговорить насчет Любы с Лешей Твороговым, хотя Бонни был очень против. Он не любит Лешу, потому что слегка ревнует меня к нему (зря!), а еще у Леши в доме живет кот.

– Бонни, – говорила я по дороге домой, – я понимаю, что поступаю легкомысленно. Обращаться к капитану по пустякам не стоит. Однако я имела глупость подать Любе надежду. И теперь нужно выполнять свои обещания.

Бонни прорычал что-то нелицеприятное, и тут мы как раз дошли до дома.

Найти Творогова для меня не представляло труда: по утрам он со своим верным напарником и давним приятелем Ашотом Бахчиняном пьет кофе в подвальчике на углу Среднего проспекта и Третьей линии Васильевского острова.

Кофе они там пьют не просто так: капитан Бахчинян соединяет приятное с полезным, точнее – приятное с еще более приятным. Он нашел в этом подвальчике свою большую любовь – барменшу Милу. Как он утверждает, Мила замечательно варит кофе, почти так же хорошо, как его покойная армянская бабушка.

Если путь к сердцу среднестатистического мужчины лежит через желудок, то путь к сердцу Ашота Бахчиняна лежит через кофейную турку. Правда, любовь у них с Милой чисто платоническая: у Бахчиняна – трое детей, а у Милы – третий муж, причем очень ревнивый. Несмотря на это, Мила Бахчиняна немного ревнует. Даже на меня посматривала косо, пока не убедилась, что я не имею на ее Ашотика никаких видов и общаюсь больше с его напарником.

Роль Творогова в любовно-кофейном треугольнике совершенно пассивная: он ходит к Миле исключительно за компанию. Ну, и ради кофе, понятное дело.

Направляясь на встречу, я подкрасилась поярче и надела веселенькую розовую кофточку в белый горошек. Весна на дворе, почти лето!

Однако, спустившись в кофейный подвальчик, я не увидела там двух неразлучных капитанов. Мила стояла за стойкой в гордом одиночестве и уныло протирала салфеткой абсолютно чистый стакан. Увидев меня, она обрадовалась:

– Привет! Что-то ты давно не заходила! Все никак с бывшим мужем не разберешься?

– Да нет, все в порядке! – похвасталась я. – Отсудила у него половину дома. То есть половину денег за дом – не буду же я с ним под одной крышей жить! Так я на эти деньги уже квартиру купила, здесь же, неподалеку, на Восьмой линии...

– Везет же некоторым! – вздохнула Мила и тут же оживилась: – Слушай, так ты, наверное, Лешу ищешь? Все, подружка, пока тебя не было, Леша твой нашел себе вариант!

– Какой еще вариант? – осведомилась я, изобразив живейший интерес.

Какое-то время назад Мила вбила себе в голову, что я вынашиваю планы выйти замуж за капитана Творогова. А если она себе что-нибудь в голову вобьет, то это надолго. У Творогова же были большие жилищные проблемы: года два назад он развелся с женой и вернулся обратно в трехкомнатную квартиру к матери и сестре. Потом у них там что-то произошло – сестра вышла замуж, он с ней поссорился, так что дома у него настоящая горячая точка.

Вы спросите, какое отношение это имеет ко мне? Да никакого, только Мила, как я уже сказала, убеждена, что я мечтаю выйти за Творогова замуж, а ему нужна жена обязательно с квартирой.

– Все, подружка, поезд ушел! – проговорила Мила с сочувствием. – Нашел наш Леша женщину с квартирой. Работает в аптеке на Малом проспекте провизором...

– Да у меня и в мыслях ничего такого не было! – в сотый раз заверила я ее. Причем надо сказать – это была абсолютная правда.

– Да? – В Миленном голосе прозвучало явное недоверие. – А чего же ты тогда его ищешь?

– Да мне просто поговорить с ним нужно, по делу...

– Ну-ну, знаю я эти дела... не говори потом, что я тебя не предупреждала! Только сегодня они уже не придут...

– А что такое? – Я удивленно посмотрела на часы. – Вроде самое их время... они же всегда по пути на работу к тебе заскакивают, по ним часы проверять можно!

– Ты же знаешь – у них рабочий день ненормированный... – Мила оглянулась, как будто нас кто-то мог подслушать, и понизила голос, хотя, кроме нас двоих, в кафе никого не было:

– В засаде они сидят!

– Да что ты? Как интересно!

– Ну да, с ночи следят за бильярдной на Пятой линии. Какого-то жулика караулят!

– А ты-то откуда знаешь? – спросила я с понятным недоверием.

– Мне ли не знать! – возмутилась Мила, но тут же пояснила, что с самого открытия кафе дружные капитаны уже дважды по очереди заходили к ней взять кофе на вынос, чтобы не заснуть на боевом посту.

– На Пятой линии, говоришь? – переспросила я. – Ну, давай теперь я им кофе отнесу.

Мила налила кофе в два пластиковых стаканчика, закрыла крышечками, чтобы не остыл, и я отправилась по указанному адресу.

На Пятой линии было в этот час малоллюдно. На углу стояла тележка мороженщика, катил голубую коляску молодой папаша в кепке-бейсболке, да на скамейке напротив бильярдной какой-то пожилой дядечка увлеченно читал газету. Найти затаившихся в засаде капитанов мне не составило труда: во-первых, сейчас большая часть машин на улицах – новые иномарки, и поэтому невзрачные бежевые «жигули» бросаются в глаза, как бомж на дипломатическом приеме. Кроме того, brave капитаны поставили свою машину прямо под знаком «Стоянка запрещена», что тоже наводило на соответствующие мысли. Поставить машину в таком месте может только тот, кто очень уверен в себе – большой начальник или крутой уголовный авторитет. Но у тех и у других машины дорогие и хорошие, всяко уж не «жигули». Значит, остаются только менты.

Подойдя к бежевым «жигулям», я постучала ногтем в стекло:

– Кофе заказывали?

– О, это ты! – обрадовался Бахчинян, открывая мне заднюю дверцу машины. – Ну, ты просто ангел! Ты же знаешь, Васенька, я без кофе долго не могу! Кофе для меня – как бензин для мотора...

Творогов так бурно радость не проявил: в отличие от темпераментного Бахчиняна он обладал характером более сдержанным, а тут вообще выглядел как-то неуверенно и виновато. Не иначе, все дело в аптекарше с Малого проспекта... правда, сам он в этом ни за что не признается. Строго взглянув на меня, он спросил:

– А как ты нас нашла?

– У девушек свои секреты! – отозвалась я игриво.

– Знаю я эти секреты! – проворчал Творогов, покосившись на стаканчик с кофе, тем не менее снял с него крышечку и с явным удовольствием отпил ароматный напиток.

– Вах, как хорошо! – восхитился Ашот. – Сразу видно, Милочка варила! Никто так варить кофе не умеет! Только моя покойная бабушка так умела! А что-то тебя, Васенька, давно не было! – ворковал Бахчинян, смакуя кофе и закатывая темные выразительные глаза. – Уезжала куда? В отпуске была? Болела, не дай бог?

– Да нет, – отмахнулась я. – Жилищный вопрос решала.

– Ну и как – успешно? – живо заинтересовался Бахчинян.

– Ашот, погоди! – прервал его Творогов. – Вон, смотри, мужик из бильярдной вышел... это не Вантуз?

Бахчинян пригнулся, вгляделся в человека на противоположной стороне улицы и протянул:

– Не-ет, не он! Ты же знаешь Вантуза, Никитич, он без понтов шагу не ступит, а этот мужичок в такой затрапезной курточке... Вантуз в такой на помойку не выйдет!

– Да и Вантуз похудее будет! – успокоился Творогов. – Так что, Вася, ты хотела? Мы вообще-то работаем...

– Какой ты, Леша, невоспитанный! – ужаснулся Бахчинян. – Девушка к тебе с заботой, кофе принесла, а ты на нее сразу наезжаешь...

– За это, конечно, спасибо, а только если ее тут начальник увидит, мало нам не покажется... у нас еще за прошлый раз строгое предупреждение не снято!

– С чего это он увидит? – возмутился Бахчинян. – Ты же знаешь, он из своего кабинета только по особым случаям выходит... когда верхнее начальство наезжает с проверкой или когда на телевидении нужно выступить...

– Да нет, ребята, все правильно, – заторопилась я. – Я сейчас уйду, не буду вам мешать, только два слова... На одну мою подругу муж бывший наезжает, прямо прохода не дает, так нельзя ли ей как-то помочь? Разузнать про него что-нибудь, припугнуть... ну, что я вас учу? Вы же это лучше меня знаете!

– Это что – твой, что ли, опять проявился? – недоверчиво осведомился Творогов. – Ему что – прошлого раза мало показалось?

– Да нет, я же говорю – подруга! Мужа фамилия Кондратенко... Петр Иванович Кондратенко...

– Как, ты говоришь? – Творогов неожиданно заинтересовался. – Петр Иванович?

– Ну да... а что – ты про него что-то знаешь?

Два капитана выразительно переглянулись.

– А он случайно не хозяин станции техобслуживания? Которая на набережной Смоленки?

– Ну да, хозяин... так что – вы его знаете?

– Точно, он! – проговорил Бахчинян.

– Верное дело! – согласился с напарником Творогов.

– Да скажите мне наконец – кто это такой?

– Кличка его – Петька Карбюратор, – сообщил наконец Творогов. – Темная личность! На этой его станции техобслуживания явно какой-то криминал творится. Там краденые машины на детали разбирают и загоняют по частям.

– Так что же вы – все знаете и позволяете ему дальше свой бизнес крутить?

– Да мы уже несколько раз его прихватить пытались, да все неудачно: он как будто заранее обо всем знал, как ни приедем – у него полный порядок, на каждую запчасть документы имеются... так что, говоришь, он на свою бывшую жену наезжает?

– Не то слово! Буквально прохода ей не дает! Его квартира на нее записана, он хочет, чтобы она ее отдала, а она требует, чтобы он с ней поделился...

– У всех квартирный вопрос! – вздохнул Творогов, которого этот пресловутый вопрос тоже сильно беспокоил.

– Ну так что, мальчики, поможете моей подруге?

Капитаны снова переглянулись.

– Поможем девушке? – проговорил Бахчинян.

– Поможем, – согласился Творогов. – А заодно Карбюратора прижмем, а то он совсем обнаглел!

– Смотри, Никитич, вот это точно Вантуз! – зашептал вдруг Бахчинян, пригнувшись и вглядываясь в противоположную сторону улицы. Там появился лохотный тип лет тридцати в итальянском костюме, слишком роскошном для этого района и для этого времени суток. Мне показалось, что кличка «Вантуз» ему не очень подходит.

– Все, Василиса, вылезай из машины и срочно чеши куда-нибудь подальше, – вполголоса проговорил Творогов. – У нас операция начинается, так что не до тебя!

– Не обижайся, Васенька! – подсластил пилюлю Бахчинян. – А твоей подруге мы непременно поможем!

Едва дождавшись, пока Василиса выбралась из машины и исчезла за углом, капитан Бахчинян включил переговорное устройство и проговорил приглушенным голосом:

– Цыплята, цыплята, говорит Курочка Ряба! Проверка связи! Как меня слышите? Прием!

– Первый цыпленок на связи, – отозвался из динамика заспанный голос лейтенанта Курочкина.

– Второй цыпленок на связи...

– Третий цыпленок на связи...

– Цыплята, цыплята, появился хорек! Начинаем операцию «Золотое яичко»!

Дождавшись условного ответа, бравые капитаны выскочили из машины и бросились через дорогу.

В то же мгновение продавец мороженого, торговавший на углу вафельными трубочками и эскимо, оттолкнув свою тележку, бросился наперерез лохотному типу. А сзади уже бежал молодой папаша, оставив без присмотра коляску. Последним поспедал пенсионер, который неся с удивительной для своего возраста прытью.

Через несколько секунд круг вокруг Вантуза сомкнулся, и подоспевший первым «мороженщик» ловко заломил руку лохотного типа за спину.

– Эй, вы чего?! – пытал тот, выпучив глаза и безуспешно пытаясь вырвать руку. – Мужики, вам чего надо?

Бахчинян, довольно потирая руки, остановился перед ним и произнес фразу из какого-то американского боевика:

– Давно хотел с тобой встретиться, да все как-то не получалось! Ну, теперь-то ты, похоже, никуда не торопишься!

– Мужики, да в чем дело-то? – удивленно бормотал задержанный. – Вы вообще кто такие?

– Гражданин Вантусовский, вы арестованы! – строго проговорил Творогов.

– Какой еще Вантусовский? – завершал задержанный. – Ребята, да загляните вы в мой левый внутренний карман!

Бахчинян и Творогов недоверчиво переглянулись. Бахчинян решительно запустил руку в карман задержанного и достал оттуда красную книжечку.

– Капитан милиции Зяблин... – прочитал он удивленно. – Это как же понимать? Ты что же – правда милиционер? С каких это пор менты в таких костюмах разгуливают?

– Нет, я массовик-затейник! – зло проговорил задержанный. – Да отпустите вы меня, наконец?

– Курочкин, отпусти коллегу! – мрачно процедил Творогов. – А ты, извиняюсь, из какого отделения? И что делаешь на нашей подведомственной территории?

– Делал... – раздраженно поправил его капитан Зяблин. – Я вообще-то из ОБЭП, из городского отдела по борьбе с экономическими преступлениями... у нас эта бильярдная в разработке, были достоверные сведения, что тут не только в бильярд играют. Ну, я сюда с таким трудом внедрил, уже был близок к серьезным результатам – и тут вы мне всю малину испортили!

– Извиняемся... – тоскливо проговорил Творогов, который уже предчувствовал грядущие неприятности. – А только что же вы нас не поставили в известность, что на нашей территории проводите такую операцию?

– Ага, может, еще по телевидению следовало объявить, в вечерних новостях, и объявления на каждом углу расклеить, чтобы уж точно весь город был в курсе?

– Ладно, дорогой, извини! – воскликнул неунывающий Бахчинян. – А нам, понимаешь, поступил анонимный звонок, что сегодня здесь, в этой самой бильярдной, появится знаменитый Вантуз... мы его давно уже ловим, вот и купились...

– Все понятно!.. – Зяблин уныло опустил голову. – Это кто-то из здешних решил меня подставить... видно, раскололи меня... ладно, ребята, я пойду...

– Может, пива выпьем, как товарищи по оружию? – предложил Бахчинян, пытаясь загладить вину перед коллегой. – Мы тут рядом знаем хороший подвальчик...

– Пива? – переспросил тот мрачно. – Нет, ребята, мне сегодня пиво противопоказано. Мне сейчас мое начальство клизму ставить будет. Ведерную.

Творогов и Бахчинян в самом отвратительном настроении вернулись в машину.

– Это все ты, – ворчал Творогов. – Вантуз! Точно Вантуз! Да с чего ты взял-то? Он на Вантуза и не похож нисколько!

– Ну да, вали все на меня! А своих глаз у тебя нету? – лениво отругивался Бахчинян. – Разве у нормальных ментов такие костюмы бывают? Кто ж его знал, что он из ОБЭП?

Тяжело вздохнув, он предложил:

– Пойдем, Никитич, кофейку, что ли, выпьем...

– Да ты же только что пил, Тиграныч, забыл, что ли? Василиса приносила...

– Да это когда было-то... кстати, надо девушке помочь. Она же нас просила припугнуть Карбюратора...

– Василисе помочь надо, она девушка хорошая... – вздохнул Творогов. – А что у нас есть на Карбюратора?

– Сейчас выясним, – Бахчинян оживился, достал мобильник, набрал номер отделения и попросил дежурного соединить со старшим лейтенантом Сеточкиной.

– Здравствуй, Ленусик! Здравствуй, свет моих очей! – заворковал он самым обольстительным голосом. – Как поживаешь, красавица? Все хорошеешь?

– Не старайся, Ашотик! – прервала его Сеточкина. – Говори сразу, чего ты от меня хочешь.

– Ну, во-первых, я мечтаю на тебе жениться...

– Ага, а как же твоя жена и трое детей? Ты про них забыл на минуточку?

– Ну вот, даже помечтать нельзя! Какая ты, Ленусик, строгая!

– А во-вторых?

– А во-вторых, солнце мое, ты же у нас все знаешь, вся информация через тебя проходит...

– Короче! Сейчас мой шеф придет...

– Короче, радость моя, что у нас есть на Петьку Карбюратора?

– Он сейчас у четвертого отдела в разработке. Гена Скамейкин им занимается.

– Что, никак в наркотики вляпался? Он же раньше только машинами ворованными промышлял?

– Ты меня спросил – я тебе ответила. Что там реально есть, я не знаю, а только Шерстоухов из четвертого отдела вчера все материалы на Карбюратора затребовал...

– Спасибо, Ленусик! С меня – любые духи, какие ты захочешь!

– Ловлю на слове! – пригрозила Сеточкина.

– Ну, что там? – спросил Творогов, как только Ашот убрал мобильник. – Есть что-нибудь?

– Похоже, Карбюратор меняет профиль, – сообщил ему Бахчинян. – Или хочет расширять дело. По достоверным оперативным данным, он начал заниматься наркотой.

– Ну, тогда самое милое дело пугнуть его сам знаешь кем! – И Творогов выразительно взглянул на коллегу.

Через пятнадцать минут невзрачные бежевые «жигули» подъехали к станции техобслуживания на набережной реки Смоленки.

Навстречу им ленивой, расхлябанной походкой вышел толстый парень в синем комбинезоне. Оглядев машину, он процедил:

– А вы, вообще, куда приехали? Ведра и примусы не чиним, так что проезжайте, не занимайте место под солнцем! На Андреевском рынке старик один сидит, вот он старые ведра паяет...

– Умный, да? – Бахчинян высунулся в окно машины и смерил парня оценивающим взглядом. – Ты, умный, Карбюратора позови, если не хочешь на биржу отправиться!

– На какую еще биржу? – заворчал тот.

– Известно, на какую – на биржу труда, где безработных на учет ставят! Только тебе и там не помогут, если не поумнеешь! С такими мозгами разве что кур полупотрошить!

– Что?! – Парень удивленно захлопал глазами.

– Мент в пальто! Сказали тебе – позови Карбюратора! Да шевели ногами поживее!

– А я что? – проговорил парень с сомнением, но на всякий случай удалился, а через минуту к «жигулям» подошел рослый тип лет сорока с заметной залысиной.

– Ну, кому я тут понадобился? – проговорил он, приглядываясь к посетителям. – Вы что – из пожарной инспекции? Так я с Макаровым обо всем договорился...

– Из инспекции, точно, только не из пожарной! – И Бахчинян продемонстрировал свое служебное удостоверение.

– Ну, мужики, – осклабился Карбюратор. – Сколько можно! Вы же знаете, у меня все чисто... вам еще не надоело? Вы сколько раз у меня проверки устраивали! Сами знаете, у меня на каждую детальку бумаги в порядке...

– Ага, на каждую детальку, – вступил в разговор Творогов. – И на каждую дозу...

– Какую еще дозу? – Карбюратор побагровел. – Вы чего, мужики, совсем с катушек съехали? Вы мне что шьете?

– Мы тебе пока ничего не шьем, – подозрительно мягким голосом перебил его Бахчинян. – До нас просто кое-какие слухи дошли. Ну, мы и решили их проверить...

– Какие еще слухи?

– Что ты, Карбюратор, дело расширяешь. Не только запчастями ворованными торгуешь, а еще кое-чем. Дурью всякой. Герычем, к примеру, и кокосом... а это, Карбюратор, уже совсем другая статья, это тебе не зеркала ворованные...

– Вы, мужики, слухам не верьте, – Карбюратор опасливо огляделся по сторонам. – Вы меня хоть раз на криминале прихватили? Не прихватили! И никогда не прихватите! Потому что у меня все путем! Так что двигайте дальше по своим делам, а ко мне лучше не вяжитесь. Все равно вам ничего не обломится!

– Да мы и не вяжемся! – продолжал Бахчинян. – Мы просто так мимо проезжали. Ну и решили заглянуть, поинтересоваться...

– Чем это?

– Да вот, интересно нам с товарищем, в курсе ли Валидол насчет твоего нового бизнеса?

Карбюратор заметно побледнел, что не ускользнуло от глаз наблюдательного Бахчиняна. Из этого явления природы капитан сделал вывод, что попал в самую точку: Карбюратор занялся наркотой на свой страх и риск, и Валидол, известный криминальный авторитет, в последние годы подмявший всю торговлю наркотиками в окрестностях, не в курсе этого бизнеса.

– Мужики, ну чего вы лезете не в свое дело? – заныл Карбюратор. – Оставили бы вы меня в покое...

– Похоже, Петя, это как раз ты влез не в свое дело! – вступил в разговор рассудительный Творогов. – Мы-то тебя, может, и оставим в покое, а вот оставит ли Валидол... особенно ежели ему кто-нибудь намекнет насчет твоей художественной самодеятельности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.